

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ
АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

ДРАКОНЫ СЕВЕРА

ЗЕМЛЯ ЗЛОГО ДУХА

Драконы Севера

Александр Прозоров

Земля Злого Духа

«Автор»

2014

Прозоров А. Д.

Земля Злого Духа / А. Д. Прозоров — «Автор»,
2014 — (Драконы Севера)

ISBN 978-5-699-74714-6

1582 год. Атаман лихой сотни Иван Егоров, сын Еремеев, в составе войска Ермака отправляется на завоевание Сибирского ханства. Разбиты войска хана Кучума, взяты и разграблены богатые города – Кашлык и Чинги-Тура, казаки с боями прорываются к Оби... И вот тут-то пути Ивана и Ермака расходятся: молодой атаман узнает от местных жителей о существовании где-то в верховьях Оби страны вечного лета и страшных драконов, повелители которых – злобные колдуны сир-тя – владеют несметным количеством золота...

ISBN 978-5-699-74714-6

© Прозоров А. Д., 2014
© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава I	13
Глава II	26
Глава III	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Прозоров, Андрей Посняков

Земля Злого Духа

© Прозоров А., Посняков А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Пролог

– Эй, Митька-а! Митька, да где ж тебя носит, ититна мать?!

Покричав, шорник Зосима, здоровенный мужик с черной окладистой бородою, отложив в сторону новенький, еще не доделанный до конца хомут, озадаченно почесал затылок:

– И где его, черта, носит? Ну, явится, ужо... огребет!

Митька, ученик, был послан еще с обеда на торг – поискать по рядкам плотной да красивой ткани, лучше аксамит, но сошел бы и бархат, хомут-то, чай, нынче не простому посадскому делали – самому Кондрату Патокину, богатому гостю-купцу. Вот и хотелось Зосиме не ударить лицом в грязь: может, Патокин-то еще хомуты закажет?

Шорник любовно посмотрел на свое изделие: как раз вот сейчас тканью-то обтянуть поверху... Где только этот поганец Митька запропастился?

Глянув в широко распахнутую дверь, Зосима прищурил глаза – хоть и сентябрь-месяц на дворе, а солнышко иногда светило совсем по-летнему, припекало, вот как сейчас... С утра-то вроде задождило, а к обеду вот – теплынь. Ну, теперь грибов нарастет – засушить на зиму...

Росшая во дворе береза шевельнула золотистыми листьями, в голубом, с белесыми прожилками небе, протяжно крича, пролетел птичий клин... Все ж таки осень, скоро и октябрь – грязник, позимник, а там и морозы не за горами, снег...

В деревянной, с изысканными маковками церкви Флора и Лавра, неподалеку от усадьбы Зосимы, звучно ударил колокол. Его подхватили колокола на церкви дальней – Параскевы Пятницы, а там басовито загудел и главный собор – Святого Георгия:

– Бо-ом, бо-омм, бо-ом...

Вскинутые поплывшим над посадом тягучим малиновым звоном, пугливо вспорхнули с деревьев воробьи и прочие мелкие пичуги, даже вечно ленивый кот Ухватко, что на печи, хвост завернув, дрыхнул – и тот глаз приоткрыл, поднял голову: что это тут, мол, за звоны?

Мастер Зосима тоже встревожился, положил хомут, на плечи зипунишко набросил да так, в избу не заходя, прямо из мастерской со двора и вышел – поглядеть-спросить, а что же такое делается-то? Может, татары напали? Или – пожар? Да нет, тогда б колокола не так благовестили, в набат бы ударили... Верно, праздник какой? Господи! Так ведь и праздник! Да еще какой! Дванадесятый! Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня!

Мимо пробежала целая толпа молодых парней – подмастерья с соседней – Малой Тележной – улицы.

– С праздничком, робяты! – помахал им шорник.

Кто-то из парней удивленно оглянулся:

– С каким праздничком-то, дядько Зосима?

– Дак ведь как же с каким?! Животворящего Креста Воздвижение!

– Тьфу ты, тьфу! Ох-ха! – тряхнув темными кудрями, подмастерье засмеялся в голос. – Так ведь Крестовоздвиженье-то, дядько Зосима, завтра!

– Точно – завтра? – шорник недоверчиво прищурился. – А чего ж тогда колокола звонят?

– Другой нынче праздник! Великому государю нашему подарок чрез весь посад везут – какого-то зверя неведомого, то ли персидский шах зверя того шлет, то ли хан сибирский! Айда с нами, дядько Зосима, поглядим!

– Опять, верно, слона прислали, – разочарованно зевнул мастеровой. – Нет, не пойду – неча на животину пялиться, когда работать надоть!

– Ну, как знаешь, дядько.

– Эй, эй! – вдруг вспомнив, запоздало закричал шорник вослед убежавшим парням. – Ежели где Митьку мово увидите – скажите, пушай в мастерскую бежит скорей ветра! Инда уши оборву – новые-то, чай, не вырастут!

Не отозвались ребята, убежали уже. Махнул рукой шорник, плюнул да повернул обратно домой – хомут доделывать. И впрямь, чего зря на животину дурацкую время терять? Мало ли кто там чего князю великому шлет? На каждый подарок смотреть – этак и работать некогда станет. Ушел домой дядько Зосима, Митьку, ученичка своего непутевого, погаными словами ругая.

И ведь было за что ругать-то! Митька, давно уж про порученье хозяйское позабыв, в толпе у соборной паперти ошивался... потом, с другими ребятами вместе, на дерево забрался – чтоб не задавили в толпе! Да и с дерева-то куда лучше видать – а посмотреть, верно, было на что... точнее говоря – вот-вот будет!

В народе-то разные слухи ходили.

– Слона! Слона-зверя шах персицкий государю нашему!

– Да какого там слона?! Дракона!

– Дракона, дракона. И не персицкий царь, а самоедь вместо ясака дракона того с далеких северов шлет, из-за Камня!

– Вон оно как... Самоедь! Из-за Камня. Нешто там драконы водятся?

– В иных-то землях кого только не водится, Господи, спаси и сохрани!

– У меня кум в войске, так воеводе приказали дракона того охранять и кормить. Для того три коровы взято!

– Три коровы?! А не подавится дракон-то?

– Ой-ой, гляньте-ка, люди добрые! Везут! Везут!

– Есмь зверь... и число его известно! – потрясая клюкой, заблажил местный юродивый Дивейко. – Число зверя всякий сочти! Сочти, сочти, сочти! Тако в Святом Писании сказано! На погибель нам сей зверь, на погибель!

Тряхнув лезущей в глаза пшеничною челкой, Митька вытянул шею. Собравшийся на паперти народ затих... лишь слышно было, как скрипели колеса...

– Везут, – облизав пересохшие губы, прошептал себе под нос отрок. – Везут...

Сначала из-за поворота показались быки, целое стадо сильных, могучих быков, впряженных в огромную, составленную из четырех возов, телегу, на которой громоздилась скованная из толстых железных полос клетка, длиною никак не меньше колокольни, ежели б колокольню уложить наземь, и высотой сажени в три. Сама клетка вызывала восхищение, а уж тот, кто в ней сидел... кого везли...

Митьку, к примеру, едва не вырвало – уж он-то, с дерева, разглядел все куда лучше многих. Огромный дракон мало походил на того сказочного зверя, коего представлял себе отрок – да и не только он. Не было ни крыльев, ни трех голов, всего-то одна, но зато какая! Огромная – с крыльцо! – с вытянутой мордой и пастью, усеянную столь многочисленными зубищами, что хотелось немедленно их выбить, а чудище это мерзкое – тут же умертвить, покуда не натворило никаких гнусных дел! Зверюга чем-то напоминала ящерицу или огромного тритона, а еще – почему-то курицу, с задними когтистыми лапами, несуразно огромными, мощными, с перекатывающимися под зеленовато-серой слизистой кожей канатами мускулов и сухожилий, со столь же мощным хвостом и небольшим – по всему хребту – гребнем.

– Гляди-кась, православные! Вот это уродище!

– На тритона похож...

– На жабу или на ящерицу.

– Какая ж тут ящерица – целый ящер!

– А зубищи-то, зубищи, Господи, спаси-сохрани!

– А ручонки-то – малые, смешные.

– Малые – зато когти острые! Схватит, так мало-то не покажется, ага!

– Ой, православныя-а-а... Это ж надо такого поганца везти! И нужна страхолюдина этакая Великому-то князю?

Митьке тоже дракон не понравился. Некрасивый, мерзкий и – судя по желтым, сверкающим из-под кожистых век глазам – злой! И не жабу он отроку напоминал, и не тритона даже, а огромную, приготовившуюся для атаки змею, ядовитую гадину с острым, не знающим пощады жалом!

– Тьфу ты, вот сволочина-то!

Плюнув, подросток полез с дерева вниз, смотреть на дракона ему что-то расхотелось – не жаловал он ни тритонов, ни жаб, ни прочих гадов. А уж этот-то – всем гадам гад! Вот и впрямь: зачем он государю Великому нужен?

– Антихрист, антихрист! – вдруг заблажил Дивейко-юродивый.

Затряс реденькой бороденкою, прорвался сквозь оцепленье воинское к клетке да со всего размаху принялся колотить посохом по железным полосам.

От столь неожиданного напора чудовище напряглось, шевельнуло хвостом и глуховато зарычало.

– Ишь ты, напугалось, тварюга!

– Так ее, так, Дивейко!

– Ящерица, а рычит, словно пес!

Один из воинов – десятник в зеленом, с желтою щегольской тесьмой тегилые, придерживая рукой саблю, догнал важно едущего впереди на гнедом коне воеводу – дородного, с окладистой седой бородой, в высокой шапке и накинутой поверх бархатного кафтана собольей шубе, крытой сверкающей на солнце парчой. В шубе-то, конечно, жарковато было – так уж приходилось терпеть, важность и знатность свою показывая. Чтоб все видели: не какой-нибудь шпынь ненадобный – сам воевода едет! Чтоб уважали, чтоб боялись, завидовали!

– Батюшка воевода, – в пояс поклонился десятник, – унять юродивого-то?

– А пес с ним! – оглянувшись, воевода благостно махнул рукой. – Небось клетушку-то клюкой своей не пробьет. Хотя... можно и прогнать... Коровы-то зверюге готовы?

– Готовы, батюшко... Позади ведут.

– Я б прогнал все ж юрода, господине, – нагнал воеводу сумрачного вида воин в высоком шлеме и немецком черном панцире поверх кафтана.

«Онисим Рдеев, из детей боярских, служивый... царем для сопровожденья подарка присланный. Голь перекатная! Худородный! Еще и советовать смеет, пес! И кому? Боярину столбовому!!!»

– Не трогать юрода, – спесиво, сквозь зубы, бросил воевода. – Ничего тому зверю не сделается.

А Дивейко между тем совсем разошелся! Обозвав чудище богомерзким гадом, перевернул клюку да изо всех сил саданул меж прутьями клетки прямо дракону в глаз!

Зверюга взвыла, издав столь громкий и жуткий вопль, что у многих посрывало шапки. Дернулась, ударила головой в прутья...

Клетка задрожала, влекущие телегу быки – лошади-то, видно, боялись – испуганно замычали...

А чудище ударило еще и еще... пока наконец – очень даже быстро! – не разорвало железные прутья и с жутким шипением не вырвалось на свободу! Встало на задние лапы во всей своей жуткой красе – само порождение дьявола, призрак ночных кошмаров! Зашипело так, что заложило уши, поводило недобро глазом и, наклонив ужасную голову, распахнуло пасть...

Пахнуло словно из выгребной ямы!

– Православныя-а-а! Спасайся кто может!

– Господине воевода? Может, в стрелы его? Али из тюфяков да ручниц палити?

– Я вам дам – палить, щучины! – поворотив коня, заругался боярин. – Подарок государев загубить вздумали? Головы на плечах жмут? А ну, живо мне изловить зверя сетью! Живо, я сказал! Шевелитесь!

Изловить... Легко сказать!

Началась паника, всяк метался кто куда, вопя от страху... А стрелять-то приказу не было!

Чудовище клацнуло пастью и вдруг ухватило зубищами первого попавшегося стрельца, выпрямилось с колокольнею вровень... Звонарь не растерялся – грянул в набат, и звон тот дракону, видать, не пришелся по нраву.

Зверюжина завертелась, шибанула хвостищем по разбегающимся в страхе людишкам и, приседая, тяжело – но быстро – поскакала прочь, переваливаясь на задних своих лапах, словно огромная, с подбитыми крылами птица. Схваченного воина чудовище не выпускало, так и тащило в пасти, так и тащило его, словно кошка – мышь, а потом, остановившись на миг, проглотило вместе с сапогами и саблею... И тотчас же ухватило другого бедолагу, зацепив хвостом бежавшего со всех ног Митьку. Парнишку швырнуло, ударило об забор – слава Богу, не насмерть, но больно – у-у-у...

Заплакал Митька, за руку схватился... а богомерзкая тварища, с разбегу перемахнув стену, приседая, побежала к лесу...

Придя домой, Митька заглянул в мастерскую:

– Ой, дядько Зосима! Что было! Что было! Дракон на свободу вырвался, мне вот руку чуть не сломал... больно-о-о...

С нехорошей ухмылкой шорник потянулся за вожжами:

– Дракон, говоришь? Я вот тебе покажу дракона! Н-на! Н-на! Получай!!!

– Ой, дядько Зосима-а-а! Больно-о-о-о!

Сбежавшего богомерзкого ящера так и не словили, напрасно стрельцы да охочие люди шатались по окрестным лесам. Хитрое оказалось чудовище! В селах да деревнях не показывалось, однако по ночам подкрадывалось к пастбищам да безбожно жрало коров вместе с собаками и пастухами, не брезговало и кабанчиками, а девки долго еще боялись ходить в лес, до самого снега.

К ноябрю, однако, грянули морозы, и вот тогда-то в непроходимой топи отыскивали отправившиеся на охоту мужички сбежавший подарок. Издохший дракон громоздился промерзшей, присыпанной снегом глыбою, часть хвоста уже погрызли лисы, в приоткрытой пасти поселилась куница, а глаза давно выклевали вороны. В лесу так: всякий кого-нибудь ест, сегодня ты, а завтра – тебя. Против природы не попрешь, будь ты хоть драконом зубастым.

К тому времени часть воинов и Рдеева Онисима, из детей боярских, за то, что не уследили за подарком, посадили по государеву указу на кол, с воеводой же неожиданно обошлись милостиво – велели три месяца волосьев не стричь да сослали в глушь, а потом, к лету ближе, великий князь смилостивился, вернул, вновь на город володеть поставил. На другой город, к Москве поближе... Но и там того воеводу еще долго за глаза Драконом нестриженным прозывали.

А потом как-то и позабылось все, лишь Митька – мастер известный Дмитрий Иванов сын Зосимов – долго еще про дракона внукам своим рассказывал. Покуда не помер от старости.

Сатако, молодой воин народа ненэй ненэць, взмахнув веслом, направил лодку к низкому, затянутому желтоватым туманом берегу. Так же сделали и другие, плывущие следом за Сатако парни, отправившиеся ныне за добычей к плоской, с серыми пологими дюнами, суше, омываемой с трех сторон морем и именуемой Я-Мал, что значит «Конец земли». Здесь, на Я-Мале, всегда было множество морского зверя: тюленей, моржей, котиков. Только промышлять добычу нужно было очень осторожно, ибо, кроме морских, водились на Я-Мале и звери иные – кошмарные создания, настоящие выходцы с полей Смерти! О них рассказывали старики и те, кто здесь побывал... кому повезло уцелеть...

Сатако повезет! И всем, кто сейчас с ним, тоже.

Обтянутые тюленьими шкурами челноки один за другим ткнулись носами в берег, воины, соскочив на песок, вытащили лодки на берег, прихватили с собой копья, луки и стрелы.

– Вэнокэн, Илко – пойдете налево, вы двое – направо, мы же – встречу солнцу! Увидите добычу – подайте знак.

Распорядившись, юный вождь жестом подозвал воинов и, крепко сжав в руке короткое копье с украшенным резьбою древком, нырнул в исходивший клочьями туман. Нырнул и тут же обернулся:

– Эй, эй! Не отставайте. Злобные духи болот легко расправятся с нами, если будем поодиночке. Папако! Попроси богов послать ветер! Ну, хоть немножко... Мы же принесли им в жертву белого оленя, напомни!

– Обязательно напомню. – Папако, парень с плоским смуглым лицом и роскошной темно-русою челкой, отвязал от пояса бубен.

Отец Папако был шаман, и дед был великий шаман, а прадед – шаман еще более великий...

– Эй-н-на-а-а... – тихонько затянув заклинание, юноша ласково тронул бубен заячьей лапкой. – О, великие духи...

– Тсс!!! – снова обернулся Сатако: он нынче был здесь за старшего, еще бы, он видел уже шестнадцатую весну. – Слышите?

Папако опустил бубен. Все наострили уши... Откуда-то слева вдруг послышался жалобный крик гагары... Вот стих. И сразу повторился еще.

– Знак! – Сатако улыбнулся. – Вэнокэн отыскал добычу. Значит, и впрямь – духи нынче будут добры к нам.

– Не зря ведь им подарили оленя!

– Папако не зря стучал в свой бубен.

– Никакой он не мой, – себе под нос пробурчал сын и внук шамана. – Он – нашего рода.

Как бы там ни было, великие духи как-то разом стали благосклонней: с моря подул легкий ветер, разгоняя туман, и вот уже совсем скоро над головами охотников заголубело чистое прозрачное небо. Слева, за ягельями и зарослями карликовой березы, светило желтое солнце... а справа... справа висело еще одно солнце – яростное, пылающее жутким жаром! Колдовское!

Папако вытер выступивший на лбу пот:

– Так вот оно какое, злобное солнце си-ир-тя!

– Папако, – шепотом справился кто-то, – а почему оно – злобное?

– Потому что зажгли его злобные колдуны! – наставительно заметил сын шамана. – На погибель всего нашего мира. Вы не слышали, что рассказывал старик Вавля?

– Сто раз слышали. Только мало ли что он там говорил... Про плюющиеся смертельным свинцом палки белых он тоже рассказывал – и что? Кто-нибудь видел эти палки?

– Хэргри видел. Охотник из племени мось. То есть он не сам видел, а знакомый его рассказывал, как его знакомого знакомый такие палки видал в Кашлыке.

– Кашлык – это что?

– Большое селение. Где-то далеко-далеко на юге, в верховьях реки Ас-ях. Селеньем тем могучий вождь правит, зовут его – великий сибирский хан!

– А ну, цыц! – недовольно бросил Сатако. – Ишь, разболтались, как бабы. Так всю добычу распугаете – вернемся домой ни с чем... А, вот и Вэнокэн!

Понизив голос, юный вождь помахал рукой выскочившему из-за большого камня парню в изодранной малице:

– Ну что, Вэнокэн? Где там твои морские звери?

– Там один зверь, Сатако.

– Один? И за этим ты нас и звал?!

– Зато какой огромный!

Вэнокэн развел руками так, словно пытался обнять небо.

– Идемте же скорее за мной, покажу.

Сатако повел плечом:

– Ну, веди. Взглянем!

Вслед за молодым воином все обошли огромные, поросшие зеленоватым мхом валуны, в незапамятно древние времена оставленные здесь, на берегу, каким-то великаном. Сразу за камнями начиналась зеленая полоса растительности – не какие-то там карликовые березы и ягель, нет! Могучие, в три обхвата деревья: сосны, лиственницы, ели, еще какие-то совсем незнакомые – густые, почти непроходимые кустарники, за которыми угадывалась узкая, коричневая от ила протока, уходившая куда-то в сторону злого солнца. Туда было нельзя! Строго-настрога ходить запрещалось.

– Эй, Вэнокэн! Ты забыл, что ли?

– Я просто вам покажу... Вон! Смотрите!

– Да где? Ой!

Сатако, а следом за ним и все остальные вдруг замерли, увидев совсем неподалеку, за соснами, огромного мохнатого зверя с большими желтоватыми клыками, чем-то похожими на моржовые, и длинным, нелепо вытянутым носом.

– Товлынг... – еле слышно прошептал сын шамана. – Охотники мось называют таких товлынгами. Я слышал, как они рассказывали... но никак не думал встретить товлынга здесь. О, великие духи!

Юноша тронул пальцами висевший на поясе бубен, отозвавшийся глухим рокотом...

Могучий, ростом, верно, с высокую сосну, зверь оказался довольно чутким! Повернул огромную голову, красноватые глазки его, несуразно маленькие для столь огромного тела, подозрительно сверкнули. Товлынг вытянул нос – и вдруг замычал, затрубил... громко, утробно, страшно, так что все невольно присели, стараясь слиться с землей. Слава духам тундры – здесь было где укрыться: травища по пояс.

– Никогда не видел такой густой травы, – глядя вслед скрывшемуся за деревьями зверю, прошептал Сатако. – И такого зверя. Этот товлынг... он ведь туда пошел – ко второму солнцу. Но нам запрещено... скажи, Папако!

– Конечно, запрещено. Старики говорят – это земля злого духа.

– Эх, – поднимаясь на ноги, тяжело вздохнул Вэнокэн. – Вот бы нам этакого запромыслить. Столько бы было мяса. Целая гора!

Сатако подозрительно огляделся вокруг:

– Смотри, как бы он тебя не запромыслил. Или кто-нибудь еще. Пошли-ка к берегу, парни!

Повернувшись, парни из рода ненэй ненэць покорно зашагали обратно: конечно, хорошо добыть целую гору мяса... Но связываться со злыми духами... для этого сначала сильно поколдовать надо!

– Жарко как. – Вэнокэн стащил через голову малицу, а следом за ней и рубаху из тонко-выделанной оленьей шкуры. – Никогда не думал, что может быть так жарко. Это все от злого солнца, да?

– От солнца... – отмахнулся вождь.

Подумал и тоже сбросил малицу – жара!

Резко пахнуло потом... Позади, с сосен, вдруг как-то разом взлетели птицы! Вспорхнули, взлетели, закружили, тревожно крича.

– Что-то там нечисто...

Сатако взглянул на деревья и вдруг замер в недоумении: над вершинами высоченных сосен маячила чья-то огромная голова, чем-то похожая на змеиную или жабью – совсем без

ушей, с мерзкими чешуйками и плотоядным взглядом желтоватых глаз, как было и у товлынга, слишком маленьких для подобной туши. Туши...

Если товлынга еще можно было хоть как-то описать, то для этого вдруг выпрыгнувшего из чаши чудовища просто не было слов! Оно чем-то походило на огромную ящерицу или тритона, такое же кожистое, омерзительно голое, с огромными задними лапами – на них чудище и передвигалось, да как! Вокруг только сучья валились! Зеленовато-серый кожистый хвост развевался позади, с невероятной силой хлестал по деревьям, ломая стволы и разбрасывая ветки, передние лапы ужасного зверя, несуразно маленькие, когтистые, казались какими-то недоразвитыми... особенно в сравнении с огромной – размерами с чум! – пастью, усеянной остройшими зубами!

– Бежим врассыпную, парни!

– О, великие духи болот...

Юный шаман Папако, взяв в руки бубен, отважно выступил навстречу чудовищу... Кошмарная тварь, впрочем, его не заметила, ломая деревья, проскочила мимо... наклонив голову, ухватила зубищами несчастного Вэнокэна, с хрустом ломая кости, вздернула вверх, к злобному солнцу, проглотила, сытно рыгнув...

Желтая слюна пополам с кровью упала на лицо спрятавшегося среди травы Сатако. Гнусное дыханье твари донеслось и сюда...

– О, великие духи болот...

Папако снова ударил в бубен... и замер.

Чудовище повернулось всем телом, зарычало, присело на задних могучих лапах, словно готовящаяся снести яйцо утка... застыло, словно прислушиваясь, поводила зубастой башкой с хищно раскрытой пастью, из которой все еще капали слюна и кровь бедного Вэнокэна.

Хвост ужасной зверюги покачивался в двух шагах от Сатако и еще одного парня по имени Илко, совсем еще молодого мальчика...

– А-а-а-а!!! – Илко не выдержал, закричал, вскочил на ноги и со всех ног побежал к протоке...

Успел-таки... бросился в воду!

И усеянная зубами пасть чудовища тоже успела – нырнула следом...

Хищная тварь схватила парня зубищами, вытащила, словно тюлень рыбу! Раскачала, переломала кости... а потом, запрокинув голову, проглотила... И, довольно зарычав, неспешно удалилась в чашу, едва не задев хвостом Папако. Тот ведь так и стоял с бубном... Тихо, не шевелясь, словно застыл от ужаса.

– О, великие духи болот... – Сатако наконец поднялся на ноги. – Что это было? Злой дух?

– Думаю, просто зверь... – тихо промолвил сын и внук шамана. – Но огромный и страшный. Я еще думаю – такие во множестве водятся там, в земле колдунов... куда нам запрещено соваться.

– И правильно запрещено! – вытерев выступивший на лбу пот, прошептал юный вождь. – Правильно. Нам одним с такой тварью не сладить. А вот если много лучников... да гарпуны... Может, мы еще сюда и вернемся, Папако. Отомстим за смерть наших... да принесем жертву духам... ту самую кошмарную тварь!

– То жуткое чудище? В жертву? – Юный шаман неожиданно рассмеялся. – Вот это было бы здорово! Духам бы понравилось, да. Огромное клыкастое чудище – это вам не какой-нибудь белый олень!

Глава I

Осень 1582 г. Тура-река

Иван, из детей боярских

Всадники выскочили из-за холма быстро и можно было бы сказать внезапно, коли б их уже давно не поджидали. В блестящих панцирях, в шлемах, с саблями и палашами. За спинами воинов реяли гусиные перья на железных дугах.

– Ну, вот они! – Усмехнувшись, молодой человек в шведских нагрудных латах водрузил на голову вытянутый кверху шлем, именуемый морионом, и, обернувшись, подмигнул стоявшему чуть позади воину в точно таком же шлеме и кирасе поверх порядком-таки замызганного камзола, зато с яркими разрезными рукавами, мечтой любого щеголя!

– Да, вижу, – кивнув, с грубоватым акцентом отозвался щеголь по-русски. – Все как ты говорил, Иоганн! Доннерветтер! Они все же поверили!

Иоганн, или, уж лучше сказать, Иван, скривил губы:

– Поверили. А кто б не поверил? Лишь бы парня нашего не замучили.

– Не успеют.

Поежившись, Иван глянул на сидевших в засаде людей – русских и наемников-немцев. Впрочем, кроме собственно немцев, как, к примеру, щеголь Ганс Штраубе из Мекленбурга, кого здесь только не было!

Наемники – опытные рубаки, стрелки, да и свои – не хуже. Как на подбор парни – орлы! И что с того, что экипированы кто во что горазд: кто в добротном немецком панцире, кто в кованной из плоских колец байдане, кто в пластинчатом бахтерце, кто в доспехе посолиднее, из металлических, поверх кольчужной вязки, досок – колонтаре, кто... кто-то и вообще – в простой кольчужице. Часть – конные – какая ж ватага без коней? – при палашах, при сабельках добрых; часть – пищальники, стрелки, даже три небольшие пушчонки имелись; пушкари, запалы в руках держа, искоса так на Ивана поглядывали: мол, не пора ли?

– Пусть поближе подъедут, – осадил пыл молодой атаман. – Ждем!

– Ждем так ждем, – положив наземь здоровенную, кованную железьем и утыканную гвоздями дубину (ослоп), согласно промычал здоровенный бугай в стеганом ватном кафтане (тегиляе), иные латы по размеру никак не мог подобрать. – Можно и помолиться пока. Верно, отец Амвросий?

– Истинно глаголешь, Михеюшко! Молитва-то ни в каком деле не помеха, ага. Вот и царь Савл как-то в походе...

– Тсс, отче! – повернув голову, Иван шутиливо погрозил священнику пальцем. – Моли-теся, но будьте начеку! А про царя Савла ты нам вечером, у костра, расскажешь.

– Могу еще и про царицу Савскую, – улыбнулся отец Амвросий.

Священник был собою видный: молодой, но не слишком – тридцать три года недавно исполнилось, – высок, с очей синих пронзительным взглядом, из породы тех людей, что готовы нести слово Божие куда угодно, не спрашивая на то разрешения ни у кого, кроме своего сердца и самого Господа.

Широкие плечи, светло-русая борода, такого же цвета и волосы гривой... Отец Амвросий, кроме всего прочего, еще отменно стрелял из пищали, мог и из пушки пальнуть, и силен был не менее – ну, может, все же чуть менее... – нежели бугайнушка Михеюшко, коего за оружье-то любимое так вот – Ослопом – и прозвали.

Поднимая придорожную пыль, латные гусары наметом неслись к деревне, беленые домики которой виднелись невдалеке, за буковой рощицей и пожней. Близ деревни протекала

неширокая, заросшая камышом и красноталом река, сверкавшая на утреннем, недавно взошедшем солнышке изогнутой татарской саблей.

Приставив к левому глазу подзорную трубу, захваченную еще где-то под Ревелем, Иван внимательно вглядывался во всадников.

– Нашего-то Афоньки там нет? – подойдя ближе, шепотом поинтересовался Ослоп.

– Цыц, Михейко! – Молодой атаман резко осадил своего не в меру нетерпеливого сотоварища. – Неужто они в налет его с собою прихватят? Думаю, позади он... с телегами. Ага! – Иван вдруг улыбнулся. – А вот и они!

Появившаяся на миг улыбка – довольная и слегка лукавая – резко изменила лицо молодого человека: до этого хмурое, оно вдруг посветлело. Высок, статен Иван, локоны темно-русые, усики щегольские с бородкою – на немецкий манер, как это у наемников принято, глаза светло-серые, а когда недоволен – с оттенками грозовой тучи! Красив, красив был молодой атаман Иван, Егоров сын, Еремеев, из тех Еремеевых, детей боярских, что владели когда-то землицами в бывшей Обонежской новгородской пятине, правда, от землиц тех давно уж одно воспоминанье осталось, да и родители преставились лет уж как семь – с тех пор и искал Иван свое счастье, благо для молодого человека, решительного и умелого воина (спасибо покойному батюшке, Егору Ивановичу, научил ратному делу!), времена наступили весьма благодатные: Великий государь, царь Иван Васильевич с кем только нынче не воевал! И с поляками, и с литвой, и со шведами, и с татарами, и... Даже вон гусары эти, не угорские ли?

Про то и Михейко Ослоп спросил, не выдержал бугайнушка любопытный:

– Что, господине, вояки-то – угорские?

– С чего ты так решил? – повел плечом Иван.

Бугай шмыгнул носом:

– Так слыхивали мы про гусаров, как же!

– Может, и угорские, – шепотом, как бы для себя, пробормотал молодой атаман. – А может – и поляки. Князь угорский, Стефан Баторий из Семиградья, давно ж в королях польских. С тех пор как поляки с литвой заодно стали.

– Речь Посполитая называется, – не преминул пояснить отец Амвросий. – Что в переводе с латыни значит...

– Ага!!! – снова вскрикнул Иван. – Вижу! Вижу Афоню! На, отче, глянь сам... И ты, Ганс, посмотри. Думаем живо: как парня отбивать будем?

Вот за то – не только за удачливость – атамана Егорова и любили! Всегда у опытных людей совета спрашивал, однако решение принимал сам, очень быстро и почти всегда – верно.

– Мы с тобой, капитан, конный бой у деревни завяжем. – Ганс Штраубе задумчиво почесал длинный нос. – А отец Амвросий со своими – к телегам.

– И я так думаю, – ухмыльнулся в кулак Иван.

Капитан... так называли его немцы, хотя до роты людей в отряде не хватало – всего-то четыре дюжины человек, вот и пришлось нынче позвать на помощь немцев – те рядом были, одно дело под Могилевом делали: колошматили литовцев с поляками, как могли, во славу грозного государя Ивана Васильевича! Штраубе до того еще и на море успел повоевать, как сам он выражался со смехом, «пиратствовал» под началом царского адмирала датчанина Карстена Роде, коему Иван Васильевич самолично каперский патент пожаловал. Жаль, ненадолго морских дел хватило.

– Отче, Ослоп, и вы все – остаетесь здесь, ждете обоза, – отдав подзорную трубу подскочившему молодому парню, распорядился молодой атаман. – Как появится, нападайте сразу. Ганс! Бери своих – и за мной.

– Капитан! – Немец почему-то не спешил исполнять приказанье.

– Что такое?

Иван уже собрался прыгнуть в седло, но, обернувшись, глянул на мекленбуржца столь грозно, что кого-нибудь иного такой взгляд неминуемо привел бы в замешательство... кого-нибудь иного, только не немца!

– Там, впереди, в золоченых латах, думаю, – их командир, – тихо промолвил Ганс. – ты б, капитан, его из своей хитрой аркебузы...

– Понял тебя. – Атаман улыбнулся, выхватив из притороченного к луке седла особого саадака небольшую пищалицу, как выразился Штраубе – «аркебузу». Хитрую! Значительно меньше и легче мушкета, с колесцовым – не с фитильным! – замком, капризным, но от мокрой погоды почти не зависящим, «пищалица», однако, вовсе не поэтому именовалась «хитрой», а потому, что имела внутри ствола нарезы винтом, от чего пуля в полете закручивалась и куда как метко била. Такие пищали – довольно редкие – именовали еще «винтовальными», делать ее было трудно и нудно, да и заряжать – так же, вчетверо больше времени, нежели обычный мушкет-пищаль, однако выстрел... Выстрел того стоил!

Вот как сейчас...

Зарядив пищалицу, Иван пристроил приклад к плечу, положив граненый ствол на ветку... гусары как раз появились напротив балки, где сидели в засаде атамановы люди и немцы. Впереди, в золоченом панцире, неся красавец усач, польский или мадьярский пан. Деревня, куда летели всадники, уже казалась рядом, и усатый, обернувшись, в нетерпении выхватил из ножен саблю. Ах, как красиво отразилось в клинке солнце! Со всей польской доблестью, с гонором, с угрозой!

Усач на всем скаку что-то крикнул своим, ухмыльнулся...

Едва слышно шелкнула пружинка. Закрутилось, высекая искры, колесико в аркебузном замке... Грянул выстрел.

Нелепо взмахнув руками, гусар вылетел из седла, словно вдруг столкнулся с какой-то невидимой и чрезвычайно прочной, вдруг повисшей в утреннем воздухе нитью.

И тотчас грянул залп: немецкие мушкеты, пищали... Впустую, конечно же, – больше для устрашения. Слишком уж далеко, да и цель – рассыпная, несущаяся... попади – попробуй.

– За мной!

Бросив пищаль оруженосцу, молодой атаман птицей взлетел в седло, выхватил саблю:

– За мной, парни! Постоим за землю русскую!

Выскочив из балки, смешанная русско-немецкая конница Ивана Еремеева понеслась через луг на гусар! Те явно ничего подобного не ожидали – еще бы! – «переветчик» Афонька им совсем другое плел. Мол, деревенька зажиточная, воинских людей в ней нету... Выманили охранную сотню короля Стефана! Выманили! Теперь дело за малым – разбить.

Летели из-под копыт коней ромашки пополам с клевером; жаворонки и прочие мелкие пичуги, вспархивая, с жалобными криками кружили в синем прозрачном небе, сверкало в глаза гусарам яростное июльское солнце.

Это Иван так рассчитал – чтоб сверкало. Вражинам-то сейчас и свернуть некуда: с краев по лугу – балки, овражки – не обойти.

– Ур-а-а-а-а!!!! За царя-батюшку-у-у, за Родину-у-у-у!!!!

Две рати схлестнулись. Зазвенели сабли. Поднявшись на дыбы, ржали кони, и первая кровь – дымящаяся, тягучая, красная – тяжелыми каплями оросила луговую траву.

Ах, с какой яростью шурил глаза гусар! Как стискивал губы – вот-вот прокусит, – а иногда ругался. Он оказался опытным рубакой, этот поляк или мадьяр... Ловко отбив удар, повернул саблю плашмя, норовя поразить врага в шею. Иван быстро подставил клинок, противно заскрежетала сталь, уж тут – кто кого! Глаза противников налились кровью, взбугрились мускулы... Гусар вдруг резко дернул коня влево – сабля его, скользнув по клинку атамана, ударила в грудь... Если б не латы! Даже кольчуга – и та вряд ли спасла бы!

Впрочем, молодой атаман сейчас вовсе не думал о близкой смерти – сабли снова схлестнулись, застыли на миг... И тут Иван поступил хитро – перенес всю тяжесть удара не на клинок, а на рукоять сабли и ударил – тяжелым золоченым эфесом! – прямо противнику в глаз! Ошеломленный гусар пошатнулся... вот тогда и настала очередь клинка!

Проводив быстрым взглядом упавшего в траву врага, атаман осмотрелся, мысленно отмечая поверженных поляков, и довольно отсалютовал саблей подъехавшему к нему немцу.

– А ведь бегут, сволочи! – указав палашом на бросившихся прочь всадников, ухмыльнулся тот. – Доннерветтер! Остальных мы...

– Вижу, – спокойно отозвался Иван.

– Так мы теперь на помощь...

– Нет! Мне не нравятся всадники. Те, что уходят... – атаман прищурился. – Слишком уж быстро... и не толпой... Ага! Что я говорил – разворачиваются! У них луки! Мадьяры – добрые стрелки. А ну, все с коней! – взмахнув окровавленной саблей, распорядился Еремеев. – Наземь я сказал, наземь! В траву...

– А если...

– А если поскачут – успеем в седла.

Пара из выпущенных мадьярами стрел, со свистом пронзив небо, уже нашли себе жертвы – двое всадников Ивана упали, остальные спешили, залегли...

– Ну, вот, – прыгнув с седла, улыбнулся Иван. – Так-то лучше бу...

Что-то просвистело, пропело... и с необычайной силою ударив в правый висок, погасило солнце.

Молодой атаман повалился в траву, что-то шепча губами... вспорхнул жаворонок, улетел...

– Ах, Боже ж мой! – Иван выскочил из шатра, держась за правый висок... за белесый шрам около самого глаза.

– Что, господине – опять? – несший у костра «малую сторожу» послушник Афоня – тощий и нескладный малый лет пятнадцати с узким смуглым лицом и длинными сальными – то ли каштановыми, то ли пегими – волосами, понятиво потряс головой. – Молиться, молиться надоть.

– Ты еще меня поучи, – присаживаясь к костру, Иван почесал шрам. – Будто не знаю. Все время молюсь... и все время – снится. Вот тот самый миг, когда...

– Знаю, – невежливо ухмыльнулся послушник. – Когда мы поляков да мадьяр уложили. Три деревни от них спасли – шутка ли! Успели ведь уйти мужичишки. Со женами, со дитятами... Верно, по сей день за нас молятся.

Юноша набожно перекрестился и наскоро зашептал молитву.

Помолился и Иван: жив тогда остался лишь Божьим соизволением! Угоди стрела на полпальца левее – не сидел бы сейчас тут, у костра, на лесистом берегу неширокой Туры-речки, что далеко-далеко за горами – за Камнем. Вниз по реке – если проводнику-вогуличу верить, день-два пути – крепость Чинги-Тура – там враги, татары «сибирского салтана» Кучума, с коим верховный воевода-атаман Ермак Тимофеевич ныне воюет, волею православнейшего царя Ивана Васильевича... Хотя, нет. Скорей уж – волею прижимистых купчин Строгановых. Их воля, их струги, их боевой припас, и многие люди – их. Окромья казаков Ермака и сотни Ивана, еще и другие служилые Строгановых есть: татары, немцы, даже вот вогуличи, из коих иные и Кучуму служат.

А немцы – это хорошо, вояки добрые, среди них Иван дружка старого встретил – Ганса Штраубе из Мекленбурга, и вот, в свой отряд надумал сманить. Именно так – в свой! Хоть Ермак Тимофеевич да воеводы его казацкие – Матвей Мешеряк, Яков Михайлов, Иван Кольцо – главные, одначе с Еремеевым Иваном сам Семен Аникеевич, да Максим Яковлевич, да

Никита Гигорьевич Строгановы лично особый договор заключили – мол, слухи от вогуличей про северную Золотую Бабу давно ходят, так, ежели что, может Иван со своей сотней своим путем – за этой бабой – пойти, и в том не будет никакого Ермаку Тимофеевичу униженья. Просто решили так. Строгановы. Те, кто вообще все здесь решал.

– Ах ты Господи, спаси, упаси, Господи, – помолившись, принялся приговаривать Афоня, так за свои присловья и прозванный – Афоня Спаси Господи.

– Самого Кучума, вогулич говорит, нынче в крепости нет... А где-то поблизости мурза его, Маметкул-царевич, с войском огромным бродит.

– Найдем – разгромим, – почесывая шрам, рассеянно усмехнулся Еремеев. – Дело не в том, много ли, мало людей в войске, – дело в настрое, в умении. Ну, и в оружьи еще. Но это – меньше.

– Как это, спаси Господи, меньше? – подбросив дровишек в огонь, хлопнул светлыми глазищами отрок. – У нас же и пищали, и пушки! Разве плохо?

– Хорошо, – Иван согласно кивнул и, зябко поежившись, протянул к костру руки, – иначе и татары сибирские – лучники неплохие.

– А что, господине атаман, лучше – пищаль или лук?

– Ну, это уж, Афонь, как посмотреть, – тихонько рассмеялся молодой человек. – Ты ж сам воин опытный, понимать должен. Покуда пищаль заряжаешь, хороший лучник почти дюжину стрел выпустит – причем прицельно. Однако ежели из сотни стрел хоть одна доспешную цель поразит – так и то добре! Пищальная же пуля нигде, ни в доспехах, ни во щитах, не застрянет, да и рикошетит редко – бьет наповал, так-то! А на полсотни сажений – что с лука, что с самострела – только навесом бить. Хоть иногда и это важно, но все же – прямой-то наводкой – сподручнее! Да и по движущейся цели – стрела-то ведь небыстро летит, пуля – куда быстрее. Так что, по мне, в добром бою пищаль сподручнее лука. Не обижайся, Афоня, но с пищалью и ты управишься, а с луком? Натянешь ли?

– У вогуличей наших как-то брал, тягивал... – Отрок все же обиделся, сверкнул глазами...

– Ну-у-у, – со смехом протянул атаман. – Так у них – охотничий. На белку. А насчет пищалей еще так скажу: добрая пуля на триста сажений убойно бьет, а один хороший залп иногда всю битву решает. С луками – не так. Понял, парень?

– Спаси Господи... понял.

Пригладив волосы, Иван посмотрел на черную реку, в которой отражались дерганое пламя костра, тощая растущая луна и далекие желтые звезды. Где-то вдруг сыграла рыба – это ночью-то? Или на перекатах вода? Или... плывет кто-то? Татарский лазутчик?

Атаман почесал шрам и, повернув голову, негромко спросил:

– В немецких сторожах кто нынче?

– Лопоухий Ульрих, – тут же припомнил послушник. – И Генрих Рыжий. Оба пивохлебы и от доброй бражицы не откажутся, но, спаси Господи, не сони, нет.

– Сам знаю, что не сони. – Младшой воевода (так в войске Ермака официально титуловали Еремеева) хмыкнул в кулак и задумался, по привычке почесывая шрам. Опять тот день вспомнился...

...Иван очнулся в чьей-то избе, в избе отнюдь не бедной, как машинально отметил для себя раненый, поглядывая на изразцовую, топившуюся по белому, печь и иноземную – польскую или немецкую, а то и фрязинскую – мебель: резной кабинет, комодики, затейливые колченогие стулья.

– Ну, вот и глаза раскрыл! – гулко захохотал сидевший у изголовья мужчина в богатом польском кунтуше, подпоясанном наборным поясом с висевшей на нем саблей в изысканных, расшитых золотыми нитками ножнах.

Могучий, широкоплечий, с окладистой бородой и пронзительным взглядом всеми признанного вожака, человек этот был хорошо знаком Еремееву... как-никак вместе и воевали – старшой атаман! Правда, и повыше имелся начальник, государева двора боярин Буйнаков, Упырь Федорович, чтоб ему пусто было!

– Ермак... – тихо, одними губами, прошептал молодой человек. – Ермак Тимофеевич. Старшой атаман улыбнулся:

– Вижу, вижу – признал наконец. А мы уж думали... Вон, священник твой, отец Амвросий, неустанно молился...

– Очнулся? – Встав с колен пред висевшими в красном углу иконами, святой отец обернулся, синие, как вешнее небо, глаза его вспыхнули самой искренней радостью. – А мы уж думали... Эх, Иване Егорович, кабы та стрела чуть левее прошла... Не иначе как сам Господь тебя спас – чувствуй!

Атаман слабо улыбнулся:

– Да я и чувствую. С народишком хрестьянским что?

– Спаслись!

– А поляки?

– Разбиты все.

– Ну, и хорошо, – с трудом приподнявшись, Иван истово перекрестился. – Спасибо тебе, Господи! Вот и славно. Выходит, все по-нашему и вышло, все как задумали, все – так.

– Так, да не так. – Ермак прищурился вдруг с неожиданной суровостью, причем все понимали, что суровость эта, даже какая-то жестокость во вспыхнувшем на миг самым настоящим бешенством взгляде атамана, предназначалась вовсе не им.

Все присутствующие прекрасно понимали – кому. Упырю! Вот уж подходящее имечко!

О том сейчас и старшой атаман сказал, оглядев строго:

– Удалец ты, Иване, и твои люди хороши – спору нету. Однако – Буйнаков-воевода обидится, что его приказ нарушили. Он что приказывал? Сиднем сидеть и не высовываться. А вы свое удумали!

– Так ведь мы быстро... – хитро улыбнулся раненый. – Да и людей жалко стало – пожгли б их поляки-то, помучили, поубивали...

– Ишь ты, людей ему жалко! – Ермак Тимофеевич громко закашлялся, приложив к губам могучий кулак. – Себя лучше пожалей, вьюношь!

– Да я почти что...

– Лежи, лежи, не дергайся, – резко скривился старшой атаман. – Тут не в ране твоей дело, дело в последствиях. Воевода Буйнаков ныне у государя в любимцах ходит – в железа тебя может засадить, а то и куда хуже... Да-а... нажил ты, Иване, врага. А ведь при дворе хотел послужить, так?

– Ну, хотел...

– Теперь уж не послужишь, землицы не выслужишь... Боярин Упырь Федорович – вельми злопамятлив.

Эти слова Ермак Тимофеевич произнес спокойно, словно констатировал давно всем известный факт, да в отношении боярина Буйнакова – так все и было, и Еремеев это прекрасно понимал... Но не выступить на поляков не мог – больно уж удачно все складывалось! И рейд гусар, и подставленный «переветник» Афоня... да и деревенских спасли! И тем не менее нажить такого врага, как воевода Буйнаков, – это было, пожалуй, слишком. И как только Иван – все ж не дурак! – об этом не подумал?... Да, подумал, положила руку на сердце, чего уж там говорить. Просто больше азарту своему внял, нежели разуму. Был бы еще Упырь Федорович обычным боярином, а то ведь – царского двора! Раньше бы сказали «опричник». Опричнина – царские земли, а ныне просто – Двор. Мстительный и злопамятный Буйнаков силу имеет

немалую и карьеры при дворе своевольному атаману не даст, тут и думать нечего. А что делать тогда? Кончится рано или поздно война – куда пойти, под чьи знамена податься?

– Есть у меня человеце один, – подойдя к окну, неожиданно промолвил Ермак. – Ясмак Терибеевич, в крещение – Василий.

– В крещение? – Отец Амвросий удивленно хлопнул ресницами. – Татарин, что ль?

– Татарин, да, – повернувшись, согласно кивнул старшой атаман. – Строгановых приказчик.

– Строгановых?! – вскинувшись, ахнул Иван. – Это тех самых, что ли? Ну, богатеев немеченых, про которых ты говорил.

Старшой покривил губы:

– Они и есть. Семен Аникеевич, старший, и молодшие – Максим да Никита. Многими землями да городами владеют, на Чусовой реке да у Камня. Меня вот хотят нанять с казаками – супротив вогуличей, остяков, татар тех же. Нападают, уводят людей в полон. Сам я в Орлегородке осяду, еще называют – Нижний Чусовой острог. Вот и тебе, Иване, какой-никакой острог достался бы. Как боярин бы жил, не хуже!

– Ну, уж ты, Ермак Тимофеич, и скажешь! – недоверчиво прищурился раненый. – Как боярин! Строгановы ж – не цари!

Зачем-то оглянувшись, атаман вдруг понизил голос:

– В вотчинах своих Семен Аникеевич всем – и царь, и Бог! А человек ты, Иване, хоть и молодой, однако ж удачливый и толк в ратном деле знающий. Еще тридцати нет, а уже ватажка своя. Тянутся к тебе люди, Иване! Сколь всех есть-то?

Молодой человек задумчиво почесал шрам:

– Да, пожалуй, около сорока и осталось.

– Вот, видишь! Около сорока. А у Строгановых еще наберешь – ты атаман, твоя и ватага. – Ермак Тимофеевич притопнул обутой в сафьяновый сапог ногою. – С приказчиком, Ясмаком Василием, тебя сведу, а дальше уж сам...

Иван только и смог вымолвить:

– Благодарствую...

Да снова в забытье впал, что и неудивительно, крови-то потерял изрядно. Однако молодость да крепкость свое брали: на поправку шел быстро, тем более – молился часто, когда один, а когда и на пару с навещавшим его отцом Амвросием. Как-то заглянул в избу и татарин – строгановский приказчик, человек крайне любезный, начитанный и, по всему видать, умный. К тому ж и ликом приятный: светлые, почти до белизны, волосы, зеленоватые, слегка навывкате, глаза, небольшая бородка, одет в длинный темный кафтан с серебряными пуговицами, а поверх него – подбитый песцовым мехом опашень, очень недешевый. Говорил приказчик умно, грамотно: мол, о ратных подвигах уважаемого Ивана Егоровича весьма наслышан и о его дружине – тоже. И ежели появится такое желание – пойти на службу к уважаемым и авторитетным людям Строгановым, то это вполне можно будет обсудить.

– Служба, скажу честно, суровая, воровских людей кругом много, к тому ж еще и татары Кучумовы, из Кашлыка-Сибира, Чинги-Туры и прочих городов. От тебя и людей твоих нужно караульную службу наладить, людей да соляные варницы или что там еще – защищать. За то будешь иметь многое: и почет, и власть... и деньгами Строгановы не обидят. Они, кстати, много немцев наняли: война-то кончается, куда бедолагам податься? Кондотьеры.

– Кто-кто?

– Искатели удачи, – пояснил присутствующий при беседе Амвросий. – В Италии их еще солдатами называют, от слова «солди» – «деньги», а еще – авантюристами, что означает...

– Так ты согласен или нет, уважаемый Иван Егорович?

Конечно, согласился Иван – а куда было деваться-то? При Дворе государевом – имея столь влиятельного недоброжелателя – служба-то явно б не задалась, так что строгановского

приказчика предложение, говоря словами картежников-немцев, вполне в масть пришлось. В масть!

Вот таким вот образом и оказался молодой атаман Иван Еремеев на службе у богатейших купцов Строгановых, хозяев неисчислимых богатств и множества – до самых гор, до Камня – земель, богатых мягкой рухлядью, залежами железной руды, углем и солью.

Правда, что касаясь защиты этих самых земель, так Иван к ней приступить не успел, появилось у Строгановых и другое важное дело – больше, конечно, к старшему воеводе Ермаку Тимофеевичу, но и Еремеева оно касалось тоже. Правда, тому задание было дано наособицу...

Ближе к осени двинулись – в далекое царство Сибир, владыка которого, хан Кучум, уже давно не давал покоя Строгановым: нападал на вотчины, угонял в рабство людей, мучил замиренных было вогуличей и остяков, народца, в общем, не вредного, правда, вполне языческого, что вызывало у отца Амвросия неистовый зубовный скрежет. Как выразился по этому поводу сам святой отец, «рука сама собой ко кресту тянется... а еще – к сабле!»

Отряд Ермака Тимофеевича состоял из пятисот сорока казаков, частью, конечно же, воровских, в былые, не столь уж давние, времена промышлявших разбоем на широкой Волге-реке, что татары Итилем прозывали. Кроме того, от Строгановых еще было дано человек триста служилых – татар, немцев, литовцев даже, – всех тех, коих старший приказчик Ясмак Терибеевич (в крещеньи – Василий) скопом называл «кондотьерами». Ну, и еще – ватажка Ивана, но те – наособицу, со своим договором. Впрочем, пока вместе шли, во всех отношениях, и они должны были беспрекословно слушаться старшего атамана.

Шли на восьми десятках стругов – ермаковских, да у Еремеева было выстроено еще десяток своих – все суда небольшие, чтоб ходче было пробираться по узким рекам, однако по три-четыре пушки несли, не тонули.

Выйдя из Нижнего Чусового острога, поднялись по Чусовой вверх, свернули на Серебрянку-реку, приток, а уж там дальше – волоком. Хорошо, проводники вогуличи дорогу добре ведали – не заплутали, а все ж струги пришлось на руках тащить. Там же, добравшись до небольшой речки, и перезимовали, да по весне вновь пустились в путь, выплыв наконец на широкую Туру-реку, где уж рукой подать было до столичного ханского града, называемого Сибир, а еще – Ибир, Искер, Кашлык – как только не звали! Народов в подданстве татарском много, у каждого – свой язык, свои обычаи.

Негладко шли, частенько налетали татарские разъезды, метали стрелы, устраивали по излучинам засады. Такой вот засады опасался Иван и сейчас, его отряд шел впереди всех, в разведке – а шрам на правом виске ныл немилосердно, то ли к непогоде, то ли – к неминуемой кровавой схватке. Честно сказать – нехорошие были предчувствия у Ивана, а шраму своему он привык доверять: все ж сам Господь от стрелы спас, может, он и знак подает, от беды оберегает?

– Вот что, Афоня... – Подобрал валявшийся у костра прутик, Иван быстро нарисовал на присыпанной золою земле лик Богородицы – умел! – потом тут же его стер – застеснялся! – да пошевелил угли. – Иди-ко к нашим, в шатры.

Парнишка непонимающе вскинул голову:

– А сторожа как же?

– Не так просто иди, – понизил голос младшой атаман. – Поднимай всех, да только, смотри, осторожненько, без шума. Михейко пушай со своим ослопом в кусточках у рыбацкой тропинки притаится, остальные – в лес. Меня пусть ждут.

– Сполню, батюшка атаман!

Послушник бросился было к шатрам, да Еремеев хватко придержал его за локоть:

– Не спеши тако, Афоня. Сперва к реке, к стругам спустись, помочися... А до того – потянися, зевни... Вот та-ак, добре.

Потянувшись, как было указано, и смачно зевнув, юноша неспешно зашагал к реке, где, вытащенные носами на низкий песчаный берег, дремали струги, усмехнулся...

– Да кто тут так звонко ссыть-то?! – заворчали, заругались на ближнем суденышке. – Счас как метну камень!

– Не надо камень, спаси, Господи! – поспешно опроставшись, взмолился отрок. – То ж я, Афоня. А ты – дядько Чугрей, я по голосу слышу.

– И я слышу... Почто не спишь-то?

– Посейчас, пойду...

Послушник снова потянулся, зевнул, как наказывал батюшка-атаман, и, шагнув ближе к стругам, шепнул:

– Буди всех, дядько. Токмо тихо! Атамана приказ.

– Понял, – так же, шепотом, откликнулся Чугрей. – Разбужу посейчас, ничо.

И – словно бы ничего не произошло. Как застыли на черной воде казавшиеся пустыми струги, так и стояли, никто там не шевельнулся, лишь шепоток казацкий над рекой пролетел едва слышно – словно ветер шумнул в камышах.

Столь же осторожно Афоня Спаси Господи разбудил и тех, кто спал в шатрах. Там тоже сообразили быстро – чай, не красны девицы, – не откидывая пологов, выползли ужами в лес, там, у старого дуба, их уже атаман дождался.

– Пищали заряжай, – негромко приказал Иван. – Афоня, Силантий – тащите к костру чучелы.

Сплетенные из гибкой ивы чучелы, обряженные в кафтаны, в шапках, Еремеев иногда выставлял заодно со сторожей – чтоб казалось больше людей, а сейчас вот решил по-иному использовать. Сам же и проконтролировал:

– Костерок-то, Афонь, притуши... К чучелам веревочки привяжи, как скажу – дернешь. Теперь ставь! Да не у огня самого – сгорят же! Чуть подале... та-ак... Дровишек подкинь-ко! Да немного, смотри – в меру.

Вспыхнул, запыхнул костер, запрыгали по деревьям тени. Афоня испуганно перекрестился: обряженные в кафтаны чучелы даже вблизи казались живыми.

– Что такое, Иване? – выскользнул из камышей отец Амвросий. – Сторожа заметила что?

Иван почесал шрам:

– Да нет. Просто нехорошо как-то... Что-то маятно... А почему? Сам пока не знаю, но чую: что-то не так.

– Угу.

Кивнув, священник какое-то время стоял молча, прислушиваясь к приглушенным ночным звукам и силясь что-то понять. Атаман тоже замолк, не мешая: отец Амвросий – человек умный, приметливый, знающий – вдруг и углядит что? Точнее, услышит.

– Коростель кричит, слышишь, Иване?

Иван кивнул:

– Ага. А вот – пеночка. Как-то тревожно поет. С чего бы?

– И раньше так пела?

– Может быть.

Пригладив ладонью бороду, отец Амвросий покачал головою и тихо, едва слышно, спросил:

– А с чего бы пеночке петь-то? Чай, не утро, хоть скоро и светать зачнет, вон, небо-то...

Молодой атаман поднял голову, глядя, как за черными вершинами елей уже начинали играть зарницы – и впрямь, скоро рассвет.

– В такой-то час, отче, сон самый крепкий.

– О! – Священник поднял вверх указательный палец. – Снова пичуга вскрикнула. На том берегу – слышал?

– Слышал... А вот – всплеск! Я думал – рыба... Да нет, весло!

– Добро, – покусав губы, кивнул отец Амвросий. – Там, вниз по течению, кусточки – ивы, верба, смородина. И тропинка рыбацкая – я вчера видел.

– Ослопа туда поставил, – усмехнулся Иван. – С оружием своим.

– Славно! Чую, атамане, не зря мы наготове стоим.

И тут же что-то тихо просвистело у самого костра... Нет, не птицы! Стрелы! Вылетели, вырвались из ночи, поразив «сторожей» насквозь!

– Вали! – пригнувшись, зашептал атаман. – Вали, Афоня! За веревки дергай.

Отрок и сам уж догадался, все же не глуп был, раз грамоту осилил, – дернул за веревки, повалились в траву пронзенные стрелами чучелы.

Иван усмехнулся, вытащив саблю: теперь следовало ожидать гостей. Скорее всего – по той самой рыбацкой тропке придут...

– Эх-ма-а-а!!!

Вместе с молодецким выкриком вдруг послушался глухой удар, словно кто-то сбросил с телеги сноп...

Кто-то вскрикнул... А вот еще раз – Эх-ма!!!

– У-у-уи-их-ха!!!!

Лес словно взорвался! Закричали, заулюлюкали какие-то неведомые люди в лисьих остроконечных шапках, выскочили к костру, побежали к шатрам... Тут их и встретили дружным залпом!

– Бабах!!!

Со стругов, словно в ответ, рывкнули тюфяки-пушки, в щепки разметав явившиеся из темноты суденышки. И снова залп...

Иван взмахнул рукой:

– А теперь, ребяташки, в сабли!

И выскочил из-за деревьев первым, единым махом срубив голову незадачливого вражины. С гнусной белозубой ухмылкой, подсакивая на кочках, словно оброненный капустный кочан, голова покатила к реке, с брызгами упав в воду. Нападавшие, завизжав, бросились к лесу – послышался звон клинков и крики. Кое-кто, поумнее, драпанул к реке, с разбега бросившись в черные волны, а кто-то не успел, сраженный меткой казацкой стрелой.

Из-за излучины, со стороны главного лагеря, громыхнул пушечный выстрел – шла подмога. Светало.

– Молодец Ермак Тимофеевич, – глядя на выплывающий из-за лесистого мыса струг, улыбнулся Иван. – Быстро сообразил, свое дело знает.

Погибших погребли в тот же день, поутру. Схоронили в могилах, над своими поставили крест, над чужаками просто водрузили камень – убитые-то, хоть, верно, и нехристи, а все ж люди, не звери дикие.

Сотворив молитву, отец Амвросий перекрестил всю ватагу и – отдельно – атамана:

– Ох, Иване свет Егорович, кабы не предчувствия твои...

– Ничего, – улыбнулся молодой вожак. – Думаю, и сторожа наша не лаптем щи хлебает. Заметили бы, пусть и позже, но заметили б.

Из числа нападавших удалось взять трех пленников: двух низкорослых вогуличей или остяков и одного татарина в стеганом панцире поверх кафтана. Татарин поначалу хорохорился, тряс узкой бородашкой и, впад в совершеннейшую наглость, совсем не желал ничего говорить. До тех пор, пока не увидел Ослопа.

Бугаинушка, держа на плече свою любимую дубинищу, с любопытством подошел ближе и шмыгнул носом:

– Ну и харя! А борода-то у него – козлиная. Такие вот и сестрицу мою когда-то в полон угнали.

Здоровяк вздохнул, украдкой глядя на атамана – не оборвет ли речь, не разгневется ли?

Иван не обрывал, спрятав подальше усмешку, слушал, улыбнулся даже:

– Давай, давай, Михейко. Что скажешь?

Гордый оказанным доверием – не у всякого сам атаман совета спрашивает! – бугай сбросил с плеч ослоп, оперся. Татарин, до того ругавшийся и брызжущий слюной, поглядывал на русского батыра как-то неуверенно нервно – что, конечно же, заметил внимательный глаз атамана... Правда, Иван не торопил события – ждал. И все остальные – ждали.

– А вот я и думаю, Иване Егорович, – совсем осмелел Михей. – Ежели я ослопом своим этого нехристя по башке двину – сразу в землю вобью? Али по частям?

Атаман со всей любезностью улыбнулся:

– Так ты попробуй, друже! А мы поглядим.

Поплевав на руки, Михейко поднял над головою огромную свою дубину, окованную железом и утыканную здоровенными ржавыми гвоздищами:

– Эх-ма-а-а!

– Стой! – побледнев, завизжал пленник. – Уберите шайтана этого! Я все расскажу, все...

– Как-как ты меня обозвал, морда нерусская? Счас посмотрим, кто из нас шайтан!

Младшой воевода поспешно махнул рукой:

– Постой, Михейко. Погодь. Так что, мурзич? Неужто поговорить с нами хочешь?

...Медленно и как-то угрожающе-валяжно выплывал из пошедшего клочками тумана мыс, по берегам которого, за поваленными стволами, притаились воины сибирского правителя Кучума. Кое-где из засеки торчали и пушечные стволы – такие места Иван мысленно отмечал для себя особо. Почти сотня казацких стругов, опустив паруса и мачты, тихо шла на веслах. Дул небольшой ветер, гнал по серому небу низкие клочковатые облака, срывал с деревьев еще оставшиеся кое-где желтые и красные листья. Серая речная вода расступалась перед носами стругов, весла мерно поднимали холодные брызги, в руках пушкарей и пищальников маленькими красными звездочками горели запальные фитили...

Обернувшись, Иван посмотрел на специально оставленную мачту своего головного струга, на верхушке которой, в особой корзине, сидел востроглазый Афоня Спаси Господи. Не просто так сидел, высматривал.

– Ну, что там, друже? Чего видишь-то?

– Рати татарской числа несть! – глуховато откликнулся отрок. – Раз в десять поболе нас будет!

– То не страшно, – косясь на своих казаков, ухмыльнулся атаман. – Вооружены как?

– Сабли, копыя... луки почти что у всех. Тюфяки! Тюфяки вижу! Большие. Токмо...

– Что – токмо?

– Токмо что-то людей около них не видать. И фитили не горят – не видно.

– Ага, – Иван довольно потер руки. – Видать, с порохом-то у татар – загвоздка! То славно... Десятник где? Силантий! Зеленый прапор – ввысь!

Взметнулся в небо зеленый, притороченный к копыю флажок – что означало «Делай как я». Молодой атаман велел кормчему сворачивать влево, как было договорено с головным атаманом на вечернем совете. Отряд Ивана Еремеева прикрывал левый фланг Ермакова войска, и главной его задачей было обеспечить высадку наемной, немецкой и литовской, пехоты, располагавшейся на держащихся чуть позади главных стругов судах.

В этом смысле основная задача лежала сейчас на пищальниках и пушкарях: пока немцы высаживаются, никак нельзя было дать врагу подняться, отсюда – залпы, одни только залпы, уж никак не одиночный огонь. Потому-то и хитрая винтовая пищаль молодшего воеводы сейчас, пожалуй, и не пригодилась бы. Иван ее и не доставал, отдал пока оруженосцу – пушай все же под рукой будет, мало ли, авось и сгодится? – сам же обычную пищаль нынче выбрал, как все.

И командовать не забывал – от того многое сейчас зависело.

– Левый борт – табань! Теперь – правый... Как немцы?

- Не отстают, атамане. Во-он их струги, рядом.
- Славно. По моей команде – расступимся, пропустим. Афоня! Что у татар?
- Проходы в засеках открыли! Видать, вылазку хотят устроить.
- Ну хватит, слезай, – распорядился атаман. – Не то сейчас живо стрелой сшибут.

Афоня перекрестился и быстро спустился вниз, обхватив ногами мачту, в которую тут же воткнулись одна за другой три стрелы.

- Слава богу, упасся! – хватая пищаль, улыбнулся мальчишка.
- Готовьтесь... Огонь!!!

Грянул залп – пушечный и пищальный, – увы, не причинивший особого вреда укрывшимся за засекой врагам, лишь щепки кругом полетели, а над головами казаков всюю засветили злые татарские стрелы!

Били на излет, но каждый казак имел добрый доспех: плоские кольчатые байданы, колонтари с толстыми стальными пластинами, а многие предпочитали немецкие да польские латы – кирасы с набедренниками и наплечниками, точь-в-точь такие, какие были сейчас на молодом атамане: черненый шведский доспех с серебряными узорами. Редкая стрела такие брони возьмет, да и то – по большей части случайно.

- Пищали... Целься! Пли! Заряжай! Пушкарни... Пли! Заряжай!

Зеленовато-серые клубы порохового дыма заволокли всю реку и мыс так, что почти не видно стало, что именно делается у засеки. Лишь слышно было, что у немецких пикинеров запела сигнальная труба – их суда уже ткнулись носами в берег, и солдаты бросились сквозь камыши, навстречу вылетевшим из засеки врагам.

- Вперед! – выхватив саблю, крикнул Иван. – Теперь уж и нам пора клинками поработать!

Опустив аркебуз, отец Амвросий – в колонтаре, в шишаке немецком – перекрестился и, вытащив из ножен плоский палаш, обернулся к Афоне:

- За мной держись, паря! Пистолеты не забыл зарядить?
- Не забыл, отче! – Отрок тоже перекрестился. – Ох, спаси, Господи!
- Ну, братие! – Ухватившись за высокий форштевень, молодой атаман взмахнул клинком. – Не посрамим земли русской! Господь с нами. Вперед!

Там, у засеки, заухали немецкие барабаны, а из проделанных между толстыми бревнами проходов рекой хлынули татары! Впрочем, не только они – впереди, с короткими копьями в руках, завывая, бежали низкорослые вогуличи и остяки.

- В каре! – быстро приказал младшой воевода. – Пищальники – вперед. Целься! Огонь!

Раздался залп, тут же многократно повторенный и другими казаками, и немцами, бедолаги вогуличи с остяками попадали, а некоторые в ужасе разбежались.

- Бегут!!! – размахивая ослопом, радостно заорал Михей. – Бегут, вражины.

Впрочем, побежали далеко не все: основная масса татар как раз только что хлынула из-за засеки к берегу, явно намереваясь сбросить казаков в реку.

– Первый-второй – расступись, – привычно командовал Еремеев. – Стрелки в каре – марш! Первая шеренга – заряжай, вторая – целься!

Пропустив пищальников-мушкетеров, казаки – и стоявшие невдалеке немцы – живенько, но без лишней суеты, сомкнули ряды, выставив вперед копья, на которые и наткнулись выскоквившие татарские всадники... А Иван, ухмыльнувшись, тут же скомандовал:

- Пли!

Грянул залп, гулкий и мощный, тяжелые пули сбивали из седел всадников, калечили, опрокидывали лошадей...

Иван махнул саблей – дала залп расположившаяся внутри каре вторая шеренга, затем – третья... первая как раз успела зарядить пищали... Залп!

Огонь, грохот и смерть, стоны раненых, вопли, ржанье коней, едкий пороховой дым заволокло всю засеку, лишь изредка относимый в сторону ветром...

Казачьи Ермака побеждали, их стройные ряды неумолимо приближались к засеке, на стругах победно реяли флаги... И вдруг!

Вдруг из облака порохового дыма выскочили сверкающие доспехами всадники в зеленых епанчах, в островерхих стальных шлемах. Красивые сытые кони терзали копытами землю, всадники не скакали – летели, словно сказочные джинны, такие же могучие и непобедимые! Впереди, воодушевляя своим примером воинов, несся сам князь в узорчатой кирасе и золотом шлеме, с белым холодно-красивым лицом и аккуратно подстриженной бородкой, за спиной его развевался плащ алого шелка, и точно такие же плащи трепал ветер на других всадниках, следовавших за своим предводителем по пятам. Телохранители.

– Уланы! – скосив глаза, сквозь зубы пробормотал отец Амвросий. – Отборные татарские сотни. А впереди – Маметкул-царевич.

– Лихо идут. – Углядев Маметкула, младшой воевода покусал губу и жестом подозвал оруженосца – молодого молчаливого парня из разорившихся курских дворян, звали парня Якимом. – Давай-ка, Якиме, пищалицу мою хитрую.

Оруженосец живо сдернул с плеча атаманскую винтовую пищаля, размерами больше напоминавшую аркебуз, нежели мушкет, – легонькую.

Зарядив оружие, Иван завел пружинку... вскинул приклад к плечу, положил ствол на рогатинку... прицелился...

– Бабах!!!

Пуля угодила Маметкулу в кирасу, мигом вышибив незадачливого царевича из седла – он так и покатился кубарем, вверх ногами. Жив ли? Нет?

Татары замаялись, закружили, завывали... Тут же грянул дружный мушкетный залп, за ним еще один... и еще... Снова заговорили пушки.

Спешившись, телохранители бросились к Маметкулу, потащили к реке – больше уже, пожалуй, и некуда было. Иван проворно вытащил из-за пояса подзорную трубу, глянул... Черт! Жив, царевич-то!

И, опустив трубу, набрал в грудь побольше воздуха, закричал, что есть сил по-татарски:

– Маметкул убит! Царевич Маметкул убит! Горе нам, горе!

Средь порохового дыма и грома выстрелов было не понять, кто кричит. Да и не слышать особо – так, отдельные слова слышались.

И все же... ведь все видели, как царевич слетел с коня! На полном скаку... А теперь – еще и эти крики.

– Царевич убит! – подхватили татары. – Горе нам, горе!

Вражеское войско охватила паника, все уже не сражались – бежали, кто куда.

А казаки Ермака Тимофеевича – русские, немцы, литовцы, татары – спокойно делали свое дело:

– Заряжай. Целься! Пли!!!

Желто-голубое, шитое золотом знамя Ермака с изображением льва и единорога победно развевалось над опустевшей засекой.

Глава II

Осень 1582 г. Кашлык

Остяцкие сказки

Стены ханской столицы и впрямь оказались подгнившими, кое-где и вообще торчали дыры, правда, вал казался высоким, и если б в осыпавшихся местах с умением расположить пушки, то...

– Не, атамане, – покачал головой отец Амвросий, словно бы подслушавший мысли идущего рядом Ивана. – Вряд ли б тут и пушки помогли. Тем более пороха-то у Кучума и в самом деле не было – ты слышал, чтоб татарские пушки палили?

– Нет.

– Вот и я не слышал.

Богатый город Кашлык, столица сибирского ханства, после разгрома татарской рати и бегства правителя лежал у ног победителей, словно готовая на все гулящая девка. Часть жителей ушла вместе с остатками войска, но большинство осталось, надеясь, что «проклятые урусуты» все же окажутся не такими демонами, как их описывали биричи Кучума. Тем более – хан сбежал, войско сбежало, и что же – дом, имущество нажитое вот так вот запросто бросить? Хорошо тем, у кого золото да серебро имеется: сунул в мешок да на коня – в степи, богатому везде хорошо, как, впрочем, и нищим побирушкам – этим вообще все равно, где и под кем жить, какая разница? Да и защищать нечего. А вот тому, кто не такой уж бедняк, но и не богатей, не уважаемый всеми купчина – торговец мехами и людьми, не витязь благородный? Дом, семья, небольшой земельный надел, мастерская? Это все здесь оставить? А на новом месте что? Вот потому-то и не ушли люди, попрятались пока, выжидали – понимали: грабеж поначалу будет жуткий, как не быть?

Это и казаки понимали – за тем и пришли. Головной атаман Ермак Тимофеевич, по обычаю, отдал город на разграбление на три дня, однако предупредил, чтоб особо не увлекались и на ночь обязательно уходили в разбитый на берегу Тобола лагерь, к стругам, под защиту пушек и выставленной стражи. Еще бы, казаков-то (если считать с немцам, литовцами и татарами) меньше тысячи было, а в Кашлыке – раз в шесть, семь населенья больше осталось. Правда, сейчас местных терзал страх, да и воевать они не умели – все не воины, простые горожане, – и тем не менее, случись что из ряда вон – могли б и подняться, массой одной задавили бы. Это все атаманы Ермака хорошо понимали: Иван Кольцо, Матвей Мещеряк и прочие. Строго-настрога приказали: особых зверств не чинить! Иначе... иначе можно и головы лишиться.

А город оказался богатым – с просторной речной пристанью, полной мелких судов, с широкими, мощными деревянными плахами улицами, с крепкими, сложенными из толстых бревен домами, с украшенными голубыми изразцами мечетями.

– Красивый город, – поглядев на ярко-голубой купол, промолвил Иван. – Богатый, большой. Теперь наш будет!

Священник согласно кивнул:

– Наш. Кашлык – это значит «городище», «город», иначе еще Искером зовут, что по-татарски значит «Старая Земля».

– А Сибиром его почему прозывают?

– От народа древнего, что когда-то здесь жил. Тот народ сибиром звался.

– Понятно, святой отец.

Наверное, лет пять уже Иван Еремеев был знаком с отцом Амвросием, и все пять лет искренне восхищался его познаниями буквально во всех областях! Несмотря на свое подвижничество, священник никогда не чурался знаний, всегда с любопытством расспрашивал тор-

говцев и пленных, изучал языки, а как толковал Святое Писание! Любо-дорого было послушать.

Сейчас Иван с отцом Амвросием направлялись в восточный район города, что был отдан их отряду и немцам, как говорится, «на раздраз». С утра оба явились на совет к Ермаку Тимофеевичу, где присутствовали все атаманы с помощниками, там и подтвердили, что Кучум вместе с войском позорно бежал в степь, бросив на произвол судьбы свою столицу.

Что ж, туда ему и дорога, нехристию, а столицу нужно прибрать к рукам – город богатый. Там же, на Совете, решали: не остановиться ли здесь, в Сибири, на зимовку, ведь на дворе-то стояла глубокая осень, хоть, по здешним приметам, и теплая, да по утрам уже были заморозки, неделя-другая – и реки покроются льдом. Спорили до хрипоты. Иван Кольцо призывал идти дальше, покуда совсем реки не встанут, Матвей Мешеряк хотел уйти зимовать в Чинги-Туру, еще прозываемую Тюменью, а кое-кто даже намеревался уговорить головного атамана вернуться в острог, к Камню, и переждать зиму там, в спокойном обжитом месте. Ни к чьему мнению Ермак Тимофеевич пока не прислушался – думал.

...А город между тем грабили. Грабили весело, с шутками, смехом, и – как и наказывал атаман – без особого зверства. Девочек, конечно, выволакивали за косы, пускали на круг, ну так это понятно: святое право победителей! Так же и добро: в брошенных домах – дворцах целых! – было чем поживиться, да и в не брошенных... Двое немцев в куцых камзолах и беретах с перьями, хохоча, выгнали с одного двора баранов, похоже взятых не просто так – палаши-то наемники не вытерли, и по ножнам стекала, капала кровь.

– О, герр Иоганн! – узнав Ивана, приветствовали немцы. – Не хотите ли к нам, на бережок? Сейчас баранов зажарим, притащим красивых дев. К тому же наш капитан Ганс отыскал местный шнапс!

– У татар есть шнапс? – удивился отец Амвросий. – Скорее, это просто арыка из забродившего кобыльего молока.

– Может, и из молока, – ухмыльнулся в усы немец. – Но забирает не хуже шнапса!

– А что за капитан Ганс? – уже отойдя, оглянулся Еремеев. – Штраубе?

– Он самый, герр Иоганн! Какой еще есть у нас капитан?

Младшой атаман улыбнулся:

– Тогда придем, раз уж звали.

Казачи двинулись дальше, держа направление на дальнюю мечеть с высоким минаретом, к которой вела неширокая кривая улочка с огороженными мощными оградами дворами. Ворота, впрочем, почти везде были распахнуты настежь – грабили! На улицу с дворов летели куриный и гусиный пух, перья, доносилось бляение баранов, ржание лошадей, веселые крики и нехороший, отчаянный вой, сердца победителей вовсе не трогавший: мало ли зла причинили татары русским людям? Вот пусть теперь и расплачиваются.

Из какого-то темного, заросшего чертополохом проулка вдруг выскочил мосластый на лицо казак в изорванном узком кафтане и с обнаженной саблей в руках. Шапки на казаке не было, злые глаза метали молнии, на левой щеке кровянилась рана.

– Вогулича не видали, робяты? – увидав своих, прокричал казак. – Низенький такой, гнусный. В кафтане из шкур.

– В малице, – педантично поправил отец Амвросий. – Нет, не видали. А что, должны были видать?

– Да вот погнался за ним, а он... нырнул тут куда-то...

Еремеев покачал головой:

– Не, не попадался вогулич. А что сотворил-то?

– Да, гаденыш, выскочил откуда-то, кинулся, бубен из общей кучи схватил – и наутек! Я уж было его и поймал, так он мне, собака худая, ножом чуть не в глаз – хорошо, увернулся. Не-е, братцы, такое прощать нельзя, наказать надо! Побегу, поищу...

– Давай, ищи, – пожал плечами Иван. – Удачи тебе, козаче.

– Бубен, – тихо, себе под нос, промолвил отец Амвросий. – У язычников-то бубен много чего значит. Может, не простой вогулич-то – волхв, по ихней речи – шаман.

– Знаю, что шаман. – Атаман рассеянно покивал и вдруг улыбнулся. – А помнишь, как на зимовье, в острожке-то, речь вогуличей да остяков учили? Ты ведь начал, да казаки некоторые... я вот теперь жалею, что мало втянулся, – могла б и пригодиться еще речь-то.

– Напрасных знаний нету, сын мой, – назидательно ответил отец Амвросий. – Вот и Афонасий язык тот учил...

Еремеев снова засмеялся, на этот раз громко, вздохнул:

– Ага, учил бы он, кабы не твоя палка!

– А в любом ученье, сын мой, без палки поначалу никак, – с кроткой улыбкой заметил священник. – Особливо ежели ученик годами мал да в разум еще не вошел. Тут токмо телесные наказания помогут, иначе баловство одно будет, а не учение. Сказано – розга ум вострит, память возбуждает и волю злую в благо преломляет!

– И ведь верно сказано-то. – Атаман согласно кивнул и, остановившись, вскинул голову. – Правильно идем-то? Что-то я минарета не вижу.

– Да вон он, минарет. – Отец Амвросий тоже посмотрел в небо. – Вроде...

– То-то и оно, что вроде, – хмыкнул Иван, поправив сунутый за пояс немецкий пистоль, а прихватил заряженный с собой на всякий случай! – Заплутали мы с тобой, отче. Городок-то не маленький, пожалуй, не меньше Могилева будет.

– Могилев? – Священник расхохотался. – Да не меньше Смоленска, точно! Татарские города вообще все – большие. И очень хорошо устроенные... ну, чтоб удобнее было жить. Вода по трубам течет, нечистоты убираются...

– Да. – Шмыгнув носом, Еремеев внимательно осмотрелся вокруг. – Это хорошо, когда по трубам. Одначе сейчас-то нам – куда? Влево или, вон, вправо?

Молодой человек кивнул на развилку, и отец Амвросий озадаченно почесал затылок, сдвинув набекрень добротную бобровую шапку:

– А пожалуй, направо, сын мой!

– Отчего ты так думаешь, отче? – К чему-то прислушиваясь, Иван хитровато прищурился и почесал шрам. – Подожди, подожди, сейчас сам скажу. Справа ты шум слышишь – голоса, крики. Явно на площади шумят, а площадь где? У церкви татарской – у мечети.

– Верно, сыне.

– Ну, и что стоим-то? Идем!

На небольшой округлой площади у красивой, покрытой изумрудно-зелеными изразцами мечети собралось, наверное, человек с полсотни казаков и немцев. Все возбужденно гомонили, перекрикивались, смеялись, словно беспечная рыночная толпа в ожидании представления заезжих скоморохов.

– Что-то тут такое творится, – разрезая толпу плечом, заметил отец Амвросий. – А ну, дети мои, пройти дайте! Вот, вот, благодарствую... Дай, говорю, пройти, харя! Почто рот раскрыл? Сейчас как звездану... Да что тут делается-то?!

– Счас, счас ударит! – обернувшись, пояснил зазевавшийся казак – плечистый, глуповатого вида детинушка в распахнутом армяке из грубой ткани.

Да из чего другого армяк и не мог быть, ткань-то так и звалась: «армяга», «сермяга» – оттого и «армяк».

– Лютедь ударит! – Казак азартно ослабил. – Вот гадаем: с первого раза хребет перешибет али нет? Я две деньги поставил за то, что перешибет, а дружок мой Митоня богатого татарского кафтана не пожалел. Так ить чего жалеть-то? Другой найдет, город-от не малый!

– Ага. – Иван уже начал кое-что понимать. – Значит, тут у вас потеха?

– Ой, потеха, братец! Беги вон к телеге, тоже чего-нибудь поставь, – посоветовал казачина. – Токмо на удар ставь: Кабаков Лютень в катах когда-то был – кнутом управляться умеет.

– А ну, расступись! – поспешно выкрикнул Иван. – Расступись, кому говорю, а!

Зрители стояли плотно, и друзьям с большим трудом удалось продрасть к стоявшей у самой мечети телеге, точнее сказать – двухколесной татарской арбе... к которой был привязан тощенький, небольшого росточка вогулич, очень молодой, совсем еще мальчик. Неширокое скуластое лицо его искажилось болью, обнаженная спина бугрилась кровавыми полосами, однако большие темные, с зеленоватым отливом глаза смотрели вокруг с вызовом.

Стоявший рядом здоровенный казак, совершенно лысый, без шапки и в одной рубахе, подпоясанной красным кушаком, залихватски поигрывал кнутом. По всей видимости, сей козачина и был знаменитый Лютень Кабаков, на удар которого ставили, похоже, почти все собравшиеся.

– Ну, что, братцы? – ухмыльнулся, подняв кнут, Лютень. – Ударить в остатний раз?

– Ударь, ударь, Кабачина! – радостно загалдели зрители.

В первых рядах Иван заметил того самого мосластого казака, что встретился им с отцом Амвросием совсем недавно – и как только успел сюда явиться?

– Ага-а, – поглядывая на знаконца, протянул священник. – Так вот он какого вогулича-то ловил. Видать, поймал.

– Видать. – Иван покусал губы, левой рукою почесав вдруг нестерпимо занывший шрам. – Однако нехорошо сейчас выйдет. Ежели бугаинушка этот вогуличу хребтину перешибет... слухи-то по городку пойдут недобрые.

– Пойдут, – согласно кивнул отец Амвросий. – Надо бы прекратить это дело... да, мыслю, поздновато уже.

И впрямь, похоже, что было уже поздно хоть что-нибудь предпринять. До телеги Ивану оставалось еще шагов с десятков, а Лютень Кабаков уже примерился, закрутил кнутом... Толпа замерла, затихла... сейчас ударит, вот-вот... эх, бедолага вогулич!

Наступившую тишину в ключья разорвал выстрел! Пуля угодила в кнутовище, конечно, в большей степени случайно – из короткоствольного пистоля, пусть и с колесцово-кремневым замком, вообще куда-то прицельно попасть нереально. И тем не менее...

Лютень поспешно отпрыгнул в сторону, разочарованные зрители повыхватывали палаши и сабли, загомонили:

– Татарва, татарва, православные!

– Кучумовы лазутчики!

– Вон он, с пистолем, держи!

Откинув плечом рванувшихся к нему казаков, Иван вскочил на арбу, едва не наступив сапогом на окровавленную спину привязанного для лютой казни вогулича, и, сунув за пояс еще дымящийся пистолет, прищурившись, бросил в толпу:

– Я – Иван Еремеев, младшой атаман. Слышали про меня, козаче?

– Да уж признали, – выкрикнул кто-то.

– Ты почто забавы нас лишил, атаман? – тут же заблажил стоявший впереди казак, тот самый, что ловил вогулича. – Этот змееныш, – он с остервененьем кивнул на пленника, – меня чуть не убил. Казни достоин... верно, православные?

– А ну, православные, цыть! – не дав православным сказать и слова, вскочил на арбу отец Амвросий, встал рядом с Иваном плечом к плечу, поднял висевший на шее крест. – Охолонь, кому говорю! Или креста Господня не видите?

– Кабаков Лютень, – нехорошо ухмыльнулся Иван. – Одного знаю... второй... – Перст его уперся в грудь тому самому казаку. – Ты кто таков?

– Я-то? – Казачина ошеломленно моргнул: как-то непонятно все теперь оборачивалось, получалось, что вроде бы он – виноват!

– Карасев Дрозд он! – выкрикнул кто-то рядом, как показалось Ивану – с насмешкой.
– Вы почто, трясогузцы, атамана приказ нарушили?! – сплюнув наземь, остервенело спросил Еремеев.

Серые, цвета грозовой тучи, глаза его метали молнии, губы остервенело дрожали:

– Я вас спрашиваю, отщепенцы! А?

Во всем облике атамана, в голосе его, в позе сквозило столь явное убеждение в собственной правоте и неправоте всех собравшихся сейчас на площади перед мечетью, что казаки невольно попятнулись и замолкли.

Лишь незадачливый Дрозд Карасев попытался было пробормотать что-то в свое оправдание:

– Он же бубен... И меня чуть было...

– Не о бубне сейчас речь! – с презрением оборвал Еремеев. – И не о тебе, Дрозд, не о Лютене и не о вогуличе этом. Верю, за дело вы его... Однако Ермак Тимофеевич что наказал? Без зверств! А вы что удумали, оглоеды? За старый бубен хребтину ломать? А что потом местные скажут, подумали? Какие слухи пойдут по всей землице сибирской? А я вам скажу, казачине! Скажут, русские казаки всем сдавшимся спины ломают, никого не щадят, вырезают всех, от мала до велика. Именно так и скажут, не сомневайтесь. И кто мы будем? Звери лютейшие, коим сдаваться – да Боже упаси! Все равно убьют, казнят лютой смертью. О том вы подумали, а? Вижу, что нет. А вот Ермак Тимофеевич за вас подумал!

– Не гневайся, батюшка! – пал на колени Дрозд Карасев. – Не со зла мы... То есть как раз со зла...

– Ничего, парни, – не перегибая палку, Иван быстро сменил гнев на милость. – Зверств особых не чините, однако же – город-то ваш по праву! И все, что в нем есть, на три дня – ваше. Так берите же! Берите богатства все, берите красных дев – все ваше.

– Возьмем, атамане, возьмем! – Карасев воспрянул духом. – Видал я тут поблизости один богатый дом – усадьба целая! А ну, побегли, робята! Ужо, богатства там – сундуками несчетными.

Собравшийся для потехи люд, включая Лютеня Кабакова, услышав сей призыв, тотчас же последовал за Карасевым, так что площадь враз опустела, и остались на ней только три человека: младшой атаман Иван Егоров сын Еремеев, его старый, еще с Ливонской войны, приятель отец Амвросий да привязанный к арбе вогулич... оказавшийся вообще-то остяком. Так и сказал, пока развязывали:

– Народ мой не вогуличи – ас-ях! Остяки, так русские зовут, да-а. А вогуличи – наши братья.

– Ишь ты, – удивился Иван. – Ты и русский знаешь.

– Знаю, да-а. Пленники у Исраила-купца жили, русские. А я у купца в проводниках был, да-а.

Юный остяк покивал, растирая затекшие от веревок руки. И тут же скривился, побледнел.

– Поди, болит, спина-то? – доброжелательно осведомился священник... однако продолжил фразу уже не столь участливо: – Правильно болит. Ты казака нашего почто чуть не угробил, змеина?

– Я не хотел казака. Хотел только бубен вернуть. Дедушкин бубен, да-а.

– Так дед-то твой, выходит, волхв? – Отец Амвросий нехорошо прищурился – языческих жрецов он, мягко говоря, не жаловал.

– Не волхв, а шаман, да-а!

– Невелика разница. Одно и то же! Ох, зря мы тебя отвязали...

– Не зря! – сверкнул глазами, темно-зелеными, как еловые лапы, спасенный неожиданно перекрестился. – Вам Господь за то воздаст сторицей.

Увидев такое дело, священник ошарашенно заморгал:

– Так ты что, крещеный?

– Нет.

– А что тогда крестишься?

– Просто уважаю ваших богов. – Парень повел плечом и снова скривил от боли тонкие губы.

Густые русые волосы его упали на глаза мягкой нечесаной челкой.

– И что нам теперь с ним делать? – почесал затылок отец Амвросий. – С собой вести? Так сбежит... разве опять связать только.

Иван вдруг смачно зевнул, поспешно перекрестив рот, и потянулся, с хрустом расправив плечи:

– Да пусть бежит – зачем он нам нужен-то? Тем более с такой-то спиной... эй, паря, тебя хоть как звать-то?

– Маюни, – узкое лицо пленника вдруг озарилось совсем детской улыбкой, застенчивой и белозубой, – Маюни из рода старого Ыттыргына, да-а. Мы в лесах жили, по берегам Ас-реки, русские ее Обью называют, а край тот – обдорским. Хорошая река, большая, широкая, да-а... мы там хорошо жили... пока колдовские люди не пришли... Убили всех, в полон многих угнали – богам своим жестоким в жертву.

– Господи, Господи! – поиграл желваками священник. – Жаль, нам в те края не надо, а то б... Показали б им – жертвы! Тебе лет-то сколь?

– Тринадцатую весну видал.

– Понятно, – усмехнулся Иван. – По-вашему – совсем уже взрослый. Жениться пора.

– Пора. – Парнишка улыбнулся с неожиданной грустью. – Девушку только хорошую найти надо, да-а. Только вот... сирота я, из рода моего никого не осталось... посвятить некому! Да и не нужен я никому... безродный.

Маюни вздохнул, опустив густые ресницы, и снова скривил губы, взглянув на казаков исподлобья:

– Так я пойду, можно?

– А что, есть куда идти? – усмехнулся Иван. – Да и сможешь ли?

– В лес пойду, да-а, там барсучий жир – целебный.

– Не замерзнешь? Все ж зима скоро.

– Так я ж лесной житель! Вылечусь, мухоморов заварю – петь-плясать, веселиться буду!

– О как! – Приятели с хохотом переглянулись. – Мухоморов он накушается, ага! Так есть еще в лесу мухоморы?

– У меня сушеные припасены, да-а.

– Да-а, – со смехом передразнил атаман. – Без мухоморов, конечно, веселье никак, знамо дело.

Маюни тоже засмеялся, но грустно:

– Одному без мухоморов невесело, да-а.

– Думаю, одному и с мухоморами-то не очень... – Иван махнул рукой. – Ну, прощай, паря. А хочешь, так к нам приходи – проводником. Раз, говоришь, леса здешние знаешь.

– Я подумаю, да-а, – совсем по-взрослому отозвался отрок.

Да он и был взрослым, лишь только по годам – мальчонкой, но не по сути. Юный охотник, лесной житель, привыкший полагаться лишь на себя самого... да еще на богов и лесных духов.

– Станный он какой-то, – свернув за мечеть, покачал головой атаман. – Остяк, а волосы светлые... и глаза.

– Глаза у многих лесных народцев такие, – не преминул пояснить отец Амвросий. – А вот волосы светлые – только у остяков. Да и у тех встречаются редко.

– Сказал – тринадцатую весну встретил, – усмехнулся Иван. – А по виду – уж юн больно.

Священник поправил висевший на груди крест:

– Сам знаешь, друже, остяки да вогуличи все такие. Маленькие, щуплые, однако выносливые – ого-го! Вот и этот, язычник малый, такой. Ничо! Заживет на нем все как на собаке – живенько заживет.

Они уже обошли мечеть, как вдруг... прямо наперерез им выскочил Маюни – уже в оленьей рубахе с узорочьем.

– О! – улыбнулся атаман. – Решил все же в проводники податься?

Отрок покачал головой:

– Ничего еще не решил, да-а. Просто сказать хотел. Вы – хорошие люди...

– Э! – громко засмеялся Еремеев. – Знал бы ты...

– А я знаю – я чувствую. Мой дедушка не зря шаман был, да-а.

– Тьфу ты, Господи! – услышав про шамана, перекрестился отец Амвросий. – Так ты только это хотел сказать?

– Не только. – Парнишка зачем-то огляделся по сторонам. – У Исраила-аги в амбаре – пленницы заперты, он их увезти не успел, спрятал. Приказчика оставил присматривать. Хорошие девушки, непорченные – очень дорогой товар. Идемте, я покажу где. Только... не худо бы людей еще взять, воинов, да-а.

Воинов взяли своих: Афоньку Спаси Господи, Ослопа с Силантием, Чугрея и прочих, что в отсутствие командира и священника особенно не безобразили, а спокойно делили имущество некоего средней руки торговца. Не успевший – а может, и не захотевший – сбежать купчина, сообразно случаю, накинув на себя старенький армячок и стеноя, бегал по двору со всклокоченной бородежкой, то и дело причитая по поводу выволакиваемого из дома на двор добра: медных масляных ламп, старой перины, пары разохшихся сундуков и прочего хлама. Справедливости ради надо отметить, что посуда-то была все же серебряной, а также еще попадались стеклянные и золотые кубки. К вящему горю негоцианта, стекло просто разбилось, а вот золото пришлось казакам куда как по нраву – собственно, за ним ведь и шли.

Узнав про девок, казачины приободрились: четыре пожилые тетки (весь гарем купца) их ничуть не прельстили, а кого помоложе из женского полу поблизости не было – прятались где-то или сбежали.

Просторный двор почтеннейшего сибирского работорговца Исраила-аги окружал высокий тын из крепких, заостренных сверху бревен.

– Настоящий острог! – пиная массивные ворота, шутили казаки.

Открывать ворота никто почему-то не торопился, верно, боялись.

– А может, там и нет никого? – Афоня Спаси Господи озадаченно почесал затылок, искоса поглядывая на отца Амвросия, коего давно уже считал своим покровителем и всячески старался на него походить, что покуда получалось как-то не особо.

– Вогулич сказал – есть, – тихо промолвил Иван.

– Не вогулич, а остяк, – тут же поправил священник.

Пожав плечами, молодой атаман обернулся, поискал глазами Маюни и, не найдя, разочарованно свистнул:

– А сбежал, похоже, вогулич-то... Ладно, ладно – остяк. Может, и нет тут никаких дев? Инда, глянем – увидим.

Иван с силой ударил ногою в ворота:

– Эй, кто там есть, отворяйте! Иначе сейчас пушку прикатим – вот уж тогда вам несдобровать!

– Не надобно пушку, атамане! – скинув с плеча ослоп, ухмыльнулся оглоедушко Михейко. – Чай, и без пушки сладим, ага... Бить?

Еремеев махнул рукой:

– Бей, Михейко!

– Ага.

Поплевав на ладони, молодой здоровяк раскрутил свою огромную дубину над головой и, хэкнув, ударил ею в ворота.

Бухх!!!

С жалобным скрипом левая створка тяжело отвалились наземь.

– Ну, вот. – Довольно улыбаясь, Михейко опустил ослоп. – А вы говорили – пушка!

– Ты сам у нас заместо пушки, добрый молодец! – похвалил богатыря отец Амвросий.

– Да-да, – тут же подхватил Афоня. – Этакая, спаси, Господи, силища!

Заглянув на двор, Иван обернулся и махнул рукою:

– Ну, что стоим? Особое приглашение нужно?

Усадьба казалась покинутой: пустой, с разбросанными лопатами и косами двор, распахнутые двери амбаров. Добротный, на высокой подклети дом угрюмо пялился на незваных пришельцев черными глазницами окон.

– Нет никого! – доложил, заглянув в дом, Силантий. – И ничего нету. Похоже, либо все увезли, либо до нас побывал кто-то.

– Ага, ага, побывал, – скривившись, прошептал послушник. – И ворота за собой запер.

Силантий Андреев – худощавый, сутулый, с окладистой рыжеватой бородой, – конечно, был казак добрый, правда, не слишком-то умный, за что многие над ним посмеивались, правда, за глаза больше. Вот как юнец Афоня...

Впрочем, сейчас-то Спаси Господи как раз был прав.

– Хо! – облокотившись на дубину, вдруг хмыкнул Ослоп, глядя, как двое казаков все же вытащили откуда-то трясущегося, словно осиновый лист, человечка в худом рваном кафтанишке и залатанных валеных сапогах, по виду – то ли крестьянина, то ли нищего попрошайку.

– Ты кто такой есть? – спросил по-татарски Иван.

– Я-а-а? Я Ибрагим... бедный слуга.

Вытянутое, с выпирающими скулами лицо татарина, чем-то походило на морду старого мерина, коего вот-вот готовятся пустить на колбасу, маленькие, какие-то бесцветные глазки трусливо прятались под кустистыми бровями, узенькая бородка дрожала от ужаса.

– Слуга, говоришь... – Атаман задумчиво почесал шрам. – Ну-ну. А хозяин твой кто, человек?

– Хозяин? А-а-а! Один купец хозяин, да. Сбежал нынче, меня на произвол судьбы бросил.

– Говорят, купец-то твой людьми торговал?

– Торговал, торговал, – чуть помолчав, признался слуга. – Раз говорят – так оно и есть, значит. А кто говорил-то?

– Тебе что за дело?

– Да так. – Ибрагим потряс бороденкой и возвел руки к небу. – На все воля Всевышнего, Алла илляху Алла-а-а!

– Ты еще помолишься тут, басурманин! – Отец Амвросий погрозил татарину кулаком. – Ужо смотри у меня, я тебе не добрый самаритянин. А ну, говори, куда хозяин твой девок спрятал?

– С собой! – упав на колени, тотчас же заныл Ибрагим. – С собой увез, атаман-бачка, с собой! Не оставил ни одной... Нигде нету, хоть все обыщите, поясом досточтимого пророка клянусь!

– Что, и впрямь никого нету? – Иван скосил глаза на своих. – Везде смотрели-то?

– Везде, господине! – истово заверил Силантий. – И дом, и подвал, и амбары обшарили, на конюшне и в риге смотрели, и в птичнике – нигде никого нет!

Священник покачал головой:

– Обманул, видать, остяк...

– Ничуть и не обманул, да-а! – Обиженный голос неожиданно донесся откуда-то сверху... с крыши!

– Эй, паря! – Атаман помахал рукой. – Ты что там делаешь-то?

– Гляжу, – невозмутимо пояснил подросток. – И вы поглядите. Во-он, у крыльца, колодец – видите?

– Ну?

– Там ход потайной в подземелье тайное, да-а.

– И-и-и, – попытавшись было бежать (Ослоп хватко придержал за ворот), Ибрагим повалился наземь и гнусно завыл, заругался, с яростью поглядывая на Маюни. – И-и-и, щайтан! И-и-и!

Отец Амвросий спокойно пнул татарина в бок:

– А ну-ко, не поминай нечистого!

– Вяжи его, парни, от греха, – приказал атаман. – Там поглядим, что с ним делать.

– Дак колодец-то, атамане, проверить?

– Проверяйте, а как же! Чего встали-то? Смотрите только – там оружные могут быть. Хотя... постойте-ка...

Еремеев полез в колодезь первым – больно уж любопытство разыграло: что там за ход потайной, что за девы?

Спустился по веревке вниз, за ним – верный оруженосец, молчаливый и всегда незаметный Яким, лицом прост, волосами пег, росточка не особенно высокого, однако жилистый, проворный, сильный. И ходил всегда неслышно, как тень. За Якимом – Силантий, следом святой отец – тоже ведь не смог удержаться! – а уж потом и все остальные – кто успел.

Юный остяк оказался прав: слева, вершках в двух от воды (все ж колодец), – виднелся какой-то провал, уходивший вглубь, под землю. Продвигаться там можно было, лишь согнувшись в три погибели, но, слава Богу, недалеко. Буквально через десяток шагов проем расширился, раздался и ввысь, так что молодой атаман и следовавший за ним по пятам верный оруженосец смогли выпрямиться.

Глаза еще не привыкли к темноте, но все же Иван почувствовал, что здесь, в подземелье, кто-то есть: то ли по дыханию определил, то ли шевельнулся кто-то. Вот чья-то тень осторожно подкралась слева!

– Ежели что плохое удумала – не моги! – спокойно предупредил атаман. – Иначе полосну саблей. А ну, давай выходи!

– Одно и умеете – саблей, – с насмешкой произнес женский голос. – С бабами только и воевать.

– Ты помолчи – «с бабами», – обиделся молодой человек. – Лучше скажи: нам вас насильно выкуривать или сами выйдете?

– Да выйдем, чего уж, – снова отвечивал тот же голос. – Вы казаки, что ль?

– А ты про нас знаешь?

– Слышали. От вас нас и спрятали, схоронили.

– Так вылезайте же! – Иван глухо хмыкнул. – Или с татарами лучше было?

– Да кто его нынче знает – с кем лучше?

Все выбрались на поверхность: сначала казаки, затем – женщины. В коротких татарских платицах, в шальварах, босые, с черными глухими платками на головах.

– Все? – глянув на пленниц, спросил атаман.

– Все, – разом кивнули девушки.

– Силантий, Афоня – проверьте. Может, там кто-нибудь еще затаился.

Отец Амвросий, пригладив бороду, подошел поближе к пленницам, глянул на платки:

– Вы что же это, девы, опоганились? Чадры на себя понадевали. А ну, скидывай!

Девушки покорно сняли платки...

Казаки ахнули. Словно десять солнц вдруг вспыхнуло – девы-то оказались красавицы, одна краше другой! Трое с волосами, как лен, светлыми, пятеро – чернявочки, с лицами белыми да как стрелы бровями, одна рыженькая, да другая... сразу-то и не скажешь, что за волосы у нее, вроде бы темно-русые, но с такими светлыми прядями, словно бы выгоревшими на солнце. У всех полоняниц – косы, а у этой, вишь, распущены локоны по плечам, на грудь падают, а уж глаза... блестящие... нет – сверкающие! – карие, с такими прыгающими золотистыми зайчиками... или чертиками – кому как покажется. Стройняшка, пожалуй, даже слишком, и грудь не сильно большая, не то что у других дев – вот уж у кого все при всем! Глаз от красавиц не оторвать, да вот Ивану почему-то эта глянулась – с выгоревшими прядями, с очами карими... Носик пряменький, изящный, губки розовым жемчугом, не толстые, но и не тонкие, в самую меру...

– Эй, друже атаман, ты что столбом-то застыл? – шепнул на ухо отец Амвросий. – Слово свое молви, прикажи, что с девицами делать. По обычаю бы – на круг их.

– Не на круг! – вздрогнув, решительно возразил Иван. – Разве мы их для того спасали, чтобы потом девичьей чести лишиться?

А ведь, наверное, именно для того и спасали – чего уж тут душой-то кривить? Девки-то эти – кто? Добыча! Полон татарский, а ныне – общий. И что с ними делать? На круг да бросить, не с собой же дальше тащить?

Так-то оно так – и прикажи Иван, раздай казакам девок – от того сила его атаманская, власть, еще более укрепитя, да и казаки скажут: «Любо!» С такими-то красавицами... еще б...

Но атаман сказал: нет! Сразу, почти не раздумывая. А почему так молвил – и сам не знал. Очи карие приворожили?

– Что ж – нет так нет, – охотно поддержал друга отец Амвросий. – И впрямь, неча тут блуд устраивать, бесов тешить. Одначе девок тут оставлять не след. Коль уж решили – так надо до конца дело делать: охранять, а уж потом, как в поход выйдем, отпустим. Вот только куда?

Девушки, чувствуя, что речь сейчас зашла об их судьбе, посматривали настороженно, чутко. Та, кареглазая, держала руки за спиной... верно, что-то прятала... нож?

Иван, чуть помявшись, выступил вперед:

– Вот что, девы, никто вам здесь зла не причинит, в том я своим атаманским словом ручаюсь. А вы... – атаман повернулся к казакам, – слово мое слышали?

– Да слышали, атамане. Все как ты сказал будет.

– Это что же, – зашептал, недопоняв, Силантий. – Девок нам не дадут, что ли?

– Девок вокруг полно! – услышав, махнул рукою Иван. – Эти наши, этих – не трогать, что же о других... Ищите! Город большой. Хоть прямо сейчас отправляйтесь, только про службу караульную не забудьте.

– О! – обрадовались казаки. – Вот это дело! Поищем, господине! Мы быстро... Найдем!

...Девочка Еремеев разместил на берегу, в шатрах, и все его казаки знали: не трогать! То атаманская добыча, ему и распоряжаться. Оно, конечно, ежели б только эти девы были – так, может, и возроптали бы, а так – что, дев в Сибири мало? Да сколько хошь!

Приветил Иван девчонок, да теперь голову ломал: что с ними делать? Не один думал – с приятелем, отцом Амвросием, на пару. Да так случилось, что к двум головам еще и третья прибавилась – девичья. Та самая, кареглазая, что так Ивану понравилась, выйдя из шатра, подошла к реке – там, свесив со струга ноги, сидели в задумчивости атаман со святым отце.

Нагнувшись, дева закатала шальвары, прямо так к стругу и подошла по воде студеной, нахально уселась рядом, глазищами стрельнула:

– Ну что, казаки, что с нами делать надумали?

Отец Амвросий, не ожидавший подобной наглости, вскинулся:

– Твое какое дело, дочка? Как решим – так и будет.

– Да я розумею. – Девчонка опустила ресницы. – Просто ведь вы про нас ничего не ведаете – кто мы да откуда. Только что полоняницы, знаете.

– А ведь она права, – почесав шрам, усмехнулся Еремеев. – Мы ведь и хотели вас допросить, иначе чуть попозже. Ну, раз уж сама первой пришла, не выдержала... Не холодно босиком-то?

– Холодно. – Дева зябко поежилась, повела плечами. – Вот мы и хотели вас попросить – какую-никакую обувь да армячки, полушубки. Нешто не сыщете?

– Да найдем, – махнул рукой Иван. – Сейчас пошлю казаков. Эй, козаче! Чугрей, Афоня, Силантий... Нут-ко живо сюда!

Послав парней за обувкой-одежкой, атаман снял с себя полушубок, набросил на плечики девичьи:

– Грейся!

– Благодарствую, – улыбнулась та. – Меня Настасьей зовут, или покороче – Настя. С Усоля я, Стефана Колесова, тележника, дочь. Да у нас мнози с Усоля – и Авраама, рыженькая, и Катерина, Онисья... Кто с самого града, кто с деревень.

– Постой, постой! – скосил глаза священник. – Так мы ж земляки, надо же.

– А вы откуда?

– С городка Чусовского, с Орла-городка, строгановского.

– И мы строгановские. – Настя улыбнулась. – Татары напали вот, батюшку да братцев убили, нас угнали в полон, сюда, за Камень...

– Потом Исраилу-купцу продали, – сплюнув в воду, дополнил Иван. – Так?

– Не так, – спокойно возразила девчонка. – Исраил-купец сам этот набег и задумал, денег дал. Девственницы ему нужны были – в далекие южные земли, оттуда заказ.

– Значит, вы все девственны, да?

– Да! – с вызовом выкрикнув, Настя опустила глаза. – Нас берегли, не трогали. Заказ-то портить нельзя.

– Ага, ага, – задумчиво покивал священник. – Значит, батюшка твой с нехристями в стычке погиб, Царствие ему Небесное. А матушка?

– Матушку я и не помню почти. Когда от лихоманки сторела, я совсем малой была.

Пригладив рукою волосы, Иван потрогал шрам:

– Ясенько все с тобой. Другие девы, говоришь, тож с земель усольских?

– Угу.

– Крепко их татары пограбили, пожгли... Так у вас и дома нету теперя! Куда ж хотите идти?

– Не знаю, – честно призналась девчонка. – Здесь мы чужие... даже не люди, а так – чужое добро. Вы уйдете, татары на нас кинутся – не схоронимся нигде.

– Так Ермак Тимофеевич, верно, здесь казаков оставит.

– Сколь казаков – и сколько татар! За всеми не уследишь. Да и казаки... – Настя отвела глаза в сторону, вздохнула. – Такие, как вы, попадутся навряд ли. Может, вы б нас с собой взяли, а? Не вечно же странствовать будете, где-то ведь придется и зимовать. Или домой обратно направитесь – вот бы и славно вышло! Одни-то мы пути не выдержим, не сдюжим. Да и дороги не знаем.

– Умна ты, дева, – поправив висевший на широкой груди крест, одобрительно покивал отец Амвросий. – Одначе еще пойми – сама же сказала: дома-то у вас боле нету! Никто вы, ничьи, и не ждут вас. Одна дорога – в обитель... ну, то дело неплохое!

– В обитель?! – Округлив глаза, девчонка отпрянула, словно услышала что-то такое, на что никак не могла пойти... но хорошо знала, что ничего другого, пожалуй, и не оставалось боле.

– Что, как черт от ладана, шарахаешься? – Недовольно прищурившись, святой отец тут же перекрестился. – Прости, Господи, прости, помянул нечистого. Все из-за тебя, дочь! Ух!

Настя опустила ресницы:

– Не гневайся, отче. Просто я сказала что думаю.

– Может, и взял бы я вас с собой, – подумав, негромко заметил Иван. – Ежели один был, со своей сотней. А так – это надобно разрешения головного атамана, Ермака Тимофеевича, спрашивать...

– А он разрешит?

– Да нет, конечно. От баб одни в войске раздоры, слабость. А слабыми нам сейчас никак нельзя быть.

– Ну вот. – Повернув голову, девушка посмотрела вдаль, за реку, на низкое серовато-белесое небо и прячущееся за облаками желтое холодное солнце. – Как батюшка мой покойный говаривал, куда ни кинь, всюду клин выходит. Ты, господине, что на нашем месте сделал бы?

– Не знаю. – Еремеев снова почесал шрам. – Наверное, здесь бы остался. Да, тут опасно, так ведь и везде тако! Зато никуда таскаться не надобно. Ермак Тимофеевич, верно, иль казаков, иль замиренных татар оставит, кого-то – и за главного, вот к нему вас завтра и отведу, накажу, чтоб охранял да присматривал.

– Ой, господине! – с тоской вскинула очи Настасья. – Нет у нас здешним никакой веры.

– И все ж придется уж как-то жить.

– Придется...

– Послушай-ка. – Атаман вдруг встрепенулся. – Все спросить тебя хочу, только не обижайся.

– Не обижусь. Спрашивай, господине.

– Вот подружки твои все с косами, а ты косматая ходишь. Почему?

Настя та-ак сверкнула глазами, словно был бы нож – метнула б! Однако успокоилась, ответила ровно:

– Обрезали мне косы-то, не видишь? Приказчики Исраила-купца. Слишком уж непокорна была, неприветлива. Теперь ежели косу заплесть – не коса, а обрубок какой-то выйдет. Лучше уж так, как ты сказал – косматой.

Ближе к вечеру – солнце садилось уже – явились свободные от караульной службы казаки, те, кого младшой атаман отпустил в город. Вернулись довольные, с увесистыми котомками – добычей. Уселись у костров, смеялись, шутили да со вкусом вспоминали каких-то знойных татарских девиц. Ослоп даже не удержался, похвастался:

– Ни одну не пришибли, таки девки попались добрые да податливые. Сказали, что из гарема.

Иван спрятал усмешку:

– Вот и хорошо, что повеселились. Силантий с Чугреем да с Афоней где?

– Да не видели. Верно, не приходили ишшо.

Силантий, Чугрей и Афоня вернулись чуть погодя, когда уже начинало темнеть и в синем, с туманной поволокою небе загорались тусклые звезды. Вернулись, конечно же, не пустые: принесли и полушубки, и женские мягкие сапоги из юфти и замши, да и обувку попроще, зато потеплее – из войлока валяную.

Пока суд да дело, Иван велел переставить шатры подальше, за рощицу – от греха, чтоб девы видом своим казаков не смущали. Там же разложили костер – девчонки сидели, грелись, разговаривали промеж собой о чем-то.

Иван им не мешал, хотя очень хотелось поговорить с Настасьей... даже и не поговорить, просто посидеть рядом, может быть, даже за руку ее взять, заглянуть в очи карие... Эх, мечты! Другой на месте атамана взял бы деву силой, по праву победителя, приволок бы в шатер, кинул,

потом отдал бы на круг и не ломал голову. Никто б не осудил, наоборот – все казаки завидовали бы! Так и следовало сделать, однако... Однако, как тут ни крути, а девчонки-то – свои, русские. Казаки их из полона спасли, от судьбины рабской избавили, и что же – для того, чтоб самим попользоваться да бросить? Как-то нехорошо получается, как-то не очень...

– Да, не по-христиански, – согласно кивнул отец Амвросий. – Мы ж все-таки не язычники, не татары Кучумовы, не самоедь дикая!

Иван вздрогнул:

– Ты это о чем, отче?

– Да ты, атамане, вслух рассуждать начал. Вот я и встрял. – Священник улыбнулся в усы и продолжал уже громче, но как-то без надрыва, благостно: – Знаю, тяжело тебе, друже. Видел, как ты на кареглазую ту смотрел. Но себя ж ты, Иван, пересилил, отринул вожделенье свое – то по-христиански, как сильному и положено. А буде еще станут девы смущать – так молись, молись чаще, сын мой!

– Да, – грустно вздохнул Иван. – Молиться надо. Ах, отче! Один ты меня понимаешь.

Они сидели вдвоем у костерка, разложенного меж берегом и рощей – где расположились девы. Оттуда доносились разговоры и даже – иногда – смех, впрочем заглушаемый удалой казацкою песней, что доносилась с берега:

Ой ты, парень удалой, молодой,
Красный молодец, да с мечом в руках,
Да с мечом в руках, да с булатной сабелькой!

Иван повернул голову:

– Ну, что, отче? Пойдем посидим с нашими. Заодно и караул бы к девкам приставить не худо.

Священник кивнул, поднялся – русоволосый, высокий, сильный, с пронзительным взглядом синих, как небо, глаз. Поправил на груди крест, перекрестился:

– Инда, друже атамане, идем. Песен послушаем, заодно потом и помолимся вместе. Заместо вечерни.

До песенников друзья не дошли, остановились раньше, у небольшого костерка возле старого, росшего на небольшом мысу дуба. Там тихо было, а собрались кругом – свои: Михейко Ослоп, Чугрей, Афоня Спаси Господи, Силантий... Не просто так сидели – слушали: окромя казаков, у костра оказался давешний остяцкий отрок Маюни Ыттыргын. В малице из оленьих шкур, на поясе, рядом с кресалом и ножом, бубен привешен. Наверное, тот самый, из-за которого бедному парню едва не перешибли хребет.

Юный остяк не просто так сидел – рассказывал, а казаки, затаив дыханье, слушали – видать, интересно было.

– Вечеряете, казаче?

Услыхав знакомый голос, воины обернулись, вскочили, приветствуя атамана и святого отца:

– Садись-от к костерку, Иван свет Егорович, и ты, святой отче, садись. Ушицы?

– Да не откажемся... А ты, вогулич, дальше что говорил рассказывай – нам тоже интересно послушать.

Ушица у казаков ныне оказалась знатная, жирная, наваристая, из вкусной нельмы, Иван с удовольствием прихлебывал из общего котелка да время от времени дул на ложку, чтоб скорее остыло.

– И вот, прогнали народ сир-тя другие народы, – тихо продолжал остяк, – и пошли беглецы на север, на Ас-реку и дальше. А по пути забрели в подземелье, где волею могучего бога по имени Нур-Торум томился в узилище злой дух Куль-Отыр, коего, не ведая что творят, и

освободили сир-тя. А Куль-Отыр решил их использовать, чтоб то, что было Добром, сделать Злом, а что было белое, сделать черным, для чего и научил сир-тя злomu черному колдовству, и те сами стали – как Куль-Отыр, и все пять душ их мужчин стали черными, и четыре души у женщин...

– Эй, эй! – не выдержав, прервал отец Амвросий. – Ты что такое несешь-то? Какие пять душ?

– У нас, народа ас-ях, у каждого мужчины – по семь душ, – невозмутимо отвечивал рассказчик. – А у сир-тя – по пять было, да-а. У женщин наших – по шесть душ, у сир-тя – по четыре. Из всех душ две – главные, одна в ребенка вселяется, другая – в царство Куль-Отыра уходит.

– Вот-вот! – искоса глянув на внимательно слушавших казаков, священник нехорошо прищурился. – Прямоком к вашему черту!

– Куль-Отыр не черт, – сверкнув глазами, возразил Маюни. – Много, много хуже. Он забрал души сир-тя, и теперь там, на севере, за Ас-рекой, что вы называете Обью, и дальше, к большой воде – их колдовская земля, земля Злого солнца и вечного лета. Это солнце зажег сам Куль-Отыр, да-а, а питается оно – душами и человеческой кровью. И чем больше душ, тем сильнее и злее горит это солнце, оттого в той земле жарко в любую стужу, а черные колдуны сир-тя волею своего гнусного повелителя хотят взять под свою власть все земли, до которых только смогут добраться. И тогда еще больше душ, еще больше крови будет питать солнце Куль-Отыра, и Зло заменит Добро повсеместно.

Отец Амвросий дернулся было, да Иван ухватил его за локоть, придержал – мол, не мешай куда, дай послушать... тем более что дальше рассказ пошел намного интересней.

– Злое солнце стережет огромный золотой идол, изображение самого Злого Духа Куль-Отыра, и в каждом селении колдунов сир-тя есть такой идол из чистого золота, у кого побольше, у кого поменьше, да-а...

– Что ты говоришь?! – заинтересованно перебил Еремеев. – Что, на севере есть золото?

– Есть. – Маюни прикрыл глаза. – Сир-тя его на малых реках своей земли моют. Много там золота, очень много – и золотые идола всюду стоят, а главный – очень-очень большой, прямо огромный!

– Что, и в струг не влезет? – полез поперек батьки Силантий.

Отрок задумчиво взъерошил затылок:

– В струг, пожалуй, влезет. Только – в хороший, большой струг.

Иван погладил пальцами вдруг занывший ни с того ни с сего шрам:

– А ты часом не врешь, парень? Сказки нам тут рассказываешь. Ты сам-то этого идола видел?

– Тот, кто его увидит, умрет, – тихо пояснил Маюни. – Колдуны сир-тя победят всех, ибо в целом мире никто не может противиться их черной злой силе. К тому же золотого идола стерегут свирепые драконы и огромные змеи!

– И ты тоже их, конечно, не видел.

– Не видел, – согласился остяк. – Но знаю. Мой дедушка шаман был, да-а.

– Вранье! – Отец Амвросий резко поднялся на ноги. – Не знаю, как кто – а я так ни единому слову не верю. Солнце какое-то, вечное лето, драконы – сказки!

– Совсем не сказки, – решительно вскинулся отрок. – У многих спросите, да-а.

– Вогуличи пленные тоже про ту землю рассказывали, – неожиданно вступился за Маюни Михейко Ослоп. Я сам слышал. И про солнце, и про золото, и про идола золотого.

Даже обычно молчаливый Яким, оруженосец, и тот подал голос:

– И я про то слышал!

Иван лишь руками развел:

– Ну, все про все слышали. Окромя меня да еще отца Амвросия.

Священник вдруг потупился:

– Признаюсь, и азм грешен – слухи доходили... Да сказки!

– Коли многие говорят, может, и не сказки, – дотронулся до своего шрама молодой атаман. – Может, что-то такое и есть. Маюни! Ты путь на север показать сможешь?

Подросток вздрогнул, зеленые глаза его от ужаса сделались черными:

– Да вы что, и вправду хотите туда идти?!

– Может, и сходим, – улыбнувшись, атаман обвел взглядом своих. – А что, козаче? Коли там золотой идол стоит – так надобно его отобрать да пустить золото на благое дело! Тем более люди там худые, одни колдуны нечестивые!

– А вот мы-то и разрушим их мерзкие капища! – с воодушевлением воскликнул отец Амвросий. – Принесем заблудшим душам свет животворящий православной веры святой! Крестим язычников! Храм сладим! Да ради такого дела – жизни не жаль. Кто как, а я за тобой, атамане. Тем более Строгановы нам право такое дали – своим ходом идти.

– И мы с тобой, Иване свет Егорович! – немедленно откликнулись казаки, глаза их уже горели тем самым желтоватым огнем, что у всегда чующих близкую добычу охотников за удачей.

Вряд ли, вряд ли манили их христианские подвиги – все ж простые люди, без всяких... Золото! Золотой идол!

За тем ведь многие – да почти все – и шли.

– Так ты, парень, в проводники к нам не пойдешь?

– Не пойду! – в ужасе откликнулся Маюни. – Вы безумцы! Вы там погибнете все! А души ваши станут пищей для Куль-Отыра! Насытившись, он явится и в вашу землю – да-а!

– Ясно, не поведешь, – в задумчивости покивал Еремеев. – А в струг, значит, идол тот золотой влезет. В крайнем случае можно пушки выбросить, одни пищали оставить.

– О боги! – воздев руки к небу, кричал юный остяк в нескрываемом страхе. – О великий Нум-Торум, о Полум-Торум, повелитель охоты, о небесный надзиратель Мир-суснэ-хум, о Калташ-эква, богиня земли! Образуйте этих несчастных безумцев, пока еще не поздно, образуйте... или погубите еще в пути.

Никто не обращал внимания на его причитания: блеск золотого идола, огонь наживы, сейчас затмевал все.

– Вот что, Яким, – деятельно распоряжался Иван. – Давай собирай всех наших на круг – решим, что да как.

– Да, атамане, не сомневайся – все до единого согласны будут! Чем невесть что невесть где искать... здесь-то пути ясные.

– Да уж ясные, – косясь на уходящего прочь Маюни, атаман потрогал шрам. – Все на север, вниз по реке. В пути и перезимует, а по весне – вперед. Глядишь осенью уже и домой вернемся – не пустые, ага! Мыслю, от идола того золотишка каждому хватит.

– Ах, атамане, батько, – обычно сдержанный оруженосец прикрыл глаза рукой, – ох и заживем!

– Заживем, заживем, Якиме! – негромко захохотав, Иван потрепал отрока по плечу. – Иди, парень, действуй. Смотри только, чтоб чужие казаки не прознали, только свои... Хотя их Ермак и не отпустит. Да! Там немец один есть, Ганс Штраубе, рыжеватый такой, носатый...

– Знаю я Ганса, – ухмыльнулся Якуб. – Со Смоленска и Могилева еще. Воин добрый.

– Вот-вот... вот ему и шепни. Только чтоб другие не услышали.

...Остяцкие сказки Маюни нынче оказались той самой каплей, что переполнила чашу... не то чтобы терпения молодого атамана, хотя и это, пожалуй, нельзя было сбрасывать со счетов – все же хотелось ощутить себя – именно себя – главным, а не ловить каждое слово Ермака да косые взгляды его воевод. В конце концов, у Ивана имелась своя личная сотня из людей, преданных ему одному и ему одному веривших. И все эти слухи о золоте в низовьях Оби-реки,

давно уже доходившие до казаков от тех же проводников-вогуличей, и нынешние слова юного остяка – это все пришлось как нельзя более кстати. Уйти! Быть самому по себе, без всяких начальников, отыскать золотого идола, вернуться богатым... кстати, и девок можно будет взять с собой, своей собственной волею – ну-ка, скажи-ка кто против! Взять, да... Ну не бросать же.

Глава III

Осень 1582 г. Река Обь

Поход

Прихватив девок, отчалили раненько поутру, Ермак Тимофеевич провожать не вышел. Верно, обиделся за то, что ушли, – хотя и не должен бы, ведь Строгановы насчет Ивана предупреджали, – но, скорее, головного атамана просто сморил сон, вот и не стал выходить – всё и так обговорили заранее.

Десяток стругов Ивана были не так уж и велики – иные б и не прошли по нешироким рекам, – впрочем, места вполне хватало для самих казаков, для припасов, оружия. И для дев – полоняниц бывших – хватило, трех атаман на свой струг поместил: одну – светленькую, с волосами как лен, Онисью, другую – подружку ее, черноокою да чернобровую Катерину, ну и третьей Настю взял. Остальных по другим стругам распределил, по двое, по трое – чтоб красавицам веселей было, да строго-настрого наказал казакам не забижать девчонок, а буде кто забидит – того здесь, на берегу, и оставят, словно шпыня ненадобного. Живота не лишат, упаси Господи, просто выкинут, бросят – вот тебе и золото, вот тебе и богатство будущее, вот тебе и ватага! Как хочешь, так и выживай, по лесам скитайся, охотничай да рыбку лови. И не забывай, что вообще-то зима скоро.

Онисья с Катериной смирененько себя вели, все больше в шатре небольшом, на корме для них разбитом, сидели, а вот Настена любопытничала – прям нету мочи! Совсем девичий стыд позабыв, по всему стругу лазала, к казакам с вопросами приставала: зачем весла кормовые широкие да почему одни тюфяки-пушки медные, а другие – бронзовые да чугунные?

Иван, что уж там говорить, пояснял с охотою:

– Из чего отлили – из того отлили. Ране вообще из полосок железных клепали – те пушки разрывались быстро. К этому слову, бронзовые – надежней всего. Прежде чем разорваться, на них припухлость появится – ее-то сразу видать.

– А далеко ль пушки бьют?

– Эти – на версту с гаком.

– Ужель на версту?! – поглаживая пушечный ствол, дивилась Настя. – Это вот такое тяжеленное ядрище швыряет?

– Швыряет, а как же! – Молодой атаман улыбался, нравилось ему с этой кареглазой девчонкой общаться – спасу нет!

И то все в ватаге замечали... только сам атаман не замечал, что замечают. Не замечал... да и не старался заметить.

– А вот это что за пищали, во-он у борта, большие?

– То ручницы. Немцы их фальконетами называют... Верно, Ганс?

– Верно, йа, йа. – Переманенный из немецкой сотни наемник весело скалил зубы. – Ах, юная фрау, до чего ж ты хороша!

Девушка тем словам предерзким, в отличие от подруг своих скромниц, ничуть не смущалась и в краску не впадала – хороша, так хороша, хоть и худовата, ну да кому какие глянутся. Немчине вон понравилась... да хорошо б, ежели такие слова сам атаман сказал! Да при всех-то казаках... Может, скажет еще? Уж конечно, скажет.

– Ой, смотрите, смотрите, вон там, на бережку – куница!

Иван вскинул подзорную трубу, усмехнулся:

– Не куница, то – ласка. Проку от нее никакого: мясо жесткое, мех худой. Совсем бесполезный зверь.

– Зато красивый.

– Дай-ка трубочку, атамане...

Пройдя на корму, отец Амвросий внимательно всмотрелся в низкий, заросший густым кустарником, берег...

– А ласку-то, видать, кто-то спугнул. Ишь, унеслася.

– Вогуличи местные, – вскользь заметил Иван. – Иль остяки. Я вот, правду сказать, их и не различаю. И выглядят они одинаково, и речь похожа, и боги, считай, одни. Всякие старики-лесовики, матери – сыры земли...

– Тьфу! – Святой отче, опустив трубу, выругался. – Язычники, они язычники и есть. Дикие!

– Эй, атамане! – вдруг закричали с последнего струга. – За нами по корме лодка!

Головной струг нынче замешкался и шел предпоследним, остальные мерно махали веслами впереди. Иногда махали, а иногда так – отдыхали. Вниз-то по реке плыть – это не вверх по течению!

– Где лодка? – перегнувшись через крутой борт, Еремеев приложил ладони трубочкой к глазам. – Что-то не вижу.

– Да вон! – с соседнего струга махнули рукой. – У плеса. Там руками машут, кричат... кажись, догнать хотят.

– Слышу, что кричат... – Атаман почесал шрам и махнул рукою. – Табань! Поглядим, что там за людишки.

Казачи подняли весела, давая возможность легкой долбленой лодчонке догнать медленно несомый плавным течением струг. День стоял теплый, пасмурный, но не дождливый, сухой, с время от времени появлявшейся в светло-сером небе просинью. Обступившие берега реки леса – суровые ели, осины, лиственницы и сосны – отражались в светлых водах как в зеркале. И так же – в зеркале – отразилась спешащая лодка.

Судя по одежке – кафтаны, кольчужицы, – сидевшие в ней люди явно были из казаков, а кое-кто даже показался Ивану знакомым... вот хоть плечистый, лет сорока, здоровяк с черной окладистой бородешкой... или его сотоварищ, худощавый, с мосластым простецким лицом. Еще был и третий: белокрысый, в кольчуге, его атаман не знал. А вот мосластого...

– Ты, что ль, Карасев Дрозд?

Казачина заулыбался, растянув рот до ушей – еще бы, признали!

– Язм, атамане! А это вон други мои, Лютедь Кабаков да Шафиров Исфак.

– Ага, – ухмыльнулся атаман. – Белокрысый – татарин, значит.

– Наш татарин, добрый. Из строгановских.

– Вижу, что наш, – опираясь на борт, хмыкнул Еремеев и, сплюнув в воду, спросил: – Нас, что ль, догоняете?

Вся троица дружно кивнула, отвечив за всех Дрозд:

– Знамо, что вас, батюшка атамане.

– И зачем же? – Иван пристально всмотрелся в троицу.

Вообще-то, ему сейчас каждый казак помехой не был.

– Дак это... – Карасев схватился за шапку, словно бы собрался залихватски швырнуть ее оземь, да вовремя опомнился: вода ведь кругом! – К ватаге твоей хотим пристать.

– Я понимаю, что хотите. Вот и спрашиваю: зачем?

– За золотом, – с подкупающей простотой, не раздумывая, отозвался казак. – Про золотого поганского идола прослышали.

– От кого прослышали? – все не успокаивался атаман. – Это мои, что ли, языками почем зря молили? Наказывал ведь...

Дрозд махнул рукой:

– Не, господине, не твои. От вогуличей слышали, да и Ермака Тимофеича слуги шептались – а им кто сказал, не ведаю.

Выслушав сидевших в челне людей, Еремеев обернулся к своим казакам:

– Ну что, парни? Примем их в круг? Карасев Дрозд, Лютень Кабаков да Исфак Шафиров... любви ли?

– Любы, атамане! Слыхали – воины добрые. Пушай будут, чего уж.

– Что ж, – повернувшись, Иван махнул рукой. – Так тому и быть... Понимаю, что атаман вас не отпускал...

– Да мы, господине, не спрашивались.

– Святая простота! – Отец Амвросий взял атамана за локоть. – Может, не следовало их принимать? Беглецы ведь. Плыли б своей дорожкой...

– За нами бы приглядывали, – в тон ему отозвался Еремеев. – Может, и удар в спину бы нанесли. Нет уж! Пусть лучше на глазах будут – тут-то мы сами за ними приглядим.

К вечеру пристали к берегу – запалили костры, напекли, наварили пойманную за день с борта стругов рыбу: сига, сомов, нельму, не брезговали и мелочью – налимом, форелью, щуками, все съели в охотку, только вот песен сегодня не пели – атаман запретил, мало ли кто тут по лесам шастает? Казаков-то нынче всего около сотни. Осторожный Афоня Спаси Господи и вообще предложил ночевать в стругах, да еще и встать на якоря подальше от берега. Остальные казаки парня подняли на смех: ну, Афоня, ну, учудил! Еще б предложил девок в караул выставить – то-то от вражин упаслись бы!

Атаман, подумав, на людишек своих цыкнул:

– Что, ровно кони крестьянские, ржете? Афонасий дело говорит, токмо вот на реке мы, не на море. А у вогуличей да остяков, что по берегам местным живут, всяко челны имеются. И какой тогда смысл в стругах ночь коротать? Захотят напасть – нападут, не посуху, так на лодках. Лучше сторожу понадежнее выставим.

Как сказал атаман, так и сделали – разбили шатры, шалашиков из лапника понаделали, а кто и так, под ель завалился, в тулупчик завернувшись изрядно – ночи-то уже стояли холодные, по утрам у бережка ледок потрескивал... Неделя-другая – и зимовье искать. Впрочем, зимы да осени разные бывают, может, эта мягкой окажется, тогда подале можно будет проплыть... хотя о зимовке уже сейчас надо начинать думать, скоро и местечко удобное выбрать, землянки копать, как принято у остяков-вогуличей, крыть бревнами да настилать крышу дерном. Такая землянка хорошо тепло держит, и ладить ее быстро – чай, не изба, не хоромины. По поводу же зимнего прокорма у атамана голова не болела: зверья в лесу полно, а в реке – рыбы, хоть голыми руками лови. Соль, перец, шафран да маслице конопляное с собой было припасено, взято также и мучицы... иначе и соль, и муку экономить надо бы, потому и не жировали: рыбы да дичины ешь от пуза, а вот чтоб посолить – то у атамана спроси. Остяки да вогуличи – те вообще почти без соли ели.

На ночь сторожу крепкую выставили – и в лесу, и вокруг шатров, и у стругов. Костры затушили, чтоб без надобности в ночи не отсвечивали. Первая ночевка спокойно прошла, и вторая, и третья, а вот на четвертую кое-что приключилось. Начать с того, что Иван долго не ложился, сперва сидел у костра, отца Амвросия слушал – тот про Давида с Голиафом рассказывал, казакам интересно было.

Особенно Михейко недоверчиво шурился:

– Это ж надо же! Вьюнош с великаном одною пращой справился? А ну-ко, меня тако возьмишь?

– А ты лоб-то подставь, Ослопе! – смеялись казаки. – А мы долбанем камнем.

Потом, как стемнело совсем, разошлись спать, Иван же у реки стоял, поджидал кареглазую Настю: та всегда перед сном умывалась да ноги полоскала – это в ледяной-то водиче!

Вот и сейчас пришла, сапожки сбросила, задрала подол:

– Ай!

– Что, холодно? – выйдя из-за кусточка, засмеялся атаман.

Девчонка вздрогнула, обернулась... и улыбнулась расслабленно:

– А я тебя по голосу узнала, ага!

– Чего ж тогда дрожишь-то?

– Кто дрожит? Я?

– Ты, ты, а то кто же?

Иван подошел поближе, в воду шагнул, взял Настю за руку:

– Вот видишь, ладонь-то совсем холодная. Словно лед. Дай-ко, согрею...

Поднял девичью узкенькую ладошку к губам, согрел дыханьем... И – взглядом с очами карими встретившись – поцеловал девушку в губы... Долго, долго целовал... или это Настя сама – долго-долго...

У обоих сердца бились так, что, казалось, слышно было на весь лес, на всю реку, аж до самого студеного моря.

– Приходи в мой шатер сегодня, – едва уняв волнение, прошептал Иван.

Девушка отстранилась, отпрянула:

– Нет!

– А я слышал, кое-кто из подружек твоих с казаками милуется, – совсем по-детски обиделся молодой человек. – С Кольшей Огневым ваша рыженькая...

– Да пусть хоть с кем! – гневно бросила девушка. – А я до свадьбы – не буду! Или хочешь силком меня взять... что смеешься-то?! Или я что смешное молвила?

– Просто замуж за меня попросилась, – негромко расхохотался атаман.

– Я... попросилась?! Когда это?

– Да вот только что. Сказала: до свадьбы – ни-ни! Вот я и думаю – брать тебя в жены аль нет?

– Что?!

– Да ладно, ладно, шучу я... – Иван протянул руку. – Ну что – мир? Без обид?

– Без обид, – успокоилась Настя. – А рыженькая наша, Авраама, ежели хочешь знать, с Кольшей едва встречаться начали... как вот мы... ой...

Вот и проговорилась! Атаман хотел было еще пошутить, да не стал, к чему обижать девчонку? Тем более ту, от одного вида которой, от волос разлохмаченных, от приоткрытых губ, от очей, с золотистыми чертиками, карих, – так и свербило сердце!

– Я тебя провожу... до шатра. Коли разрешишь, – глянув в ночное небо, шепотом попросил Иван. – Заодно караулы проверю.

Девчонка фыркнула:

– Так ты меня пойдешь провожать или караулы проверить?

– Так одно другому не ме... ой!

Оба разом расхохотались, а потом еще какое-то время сидели на бережку, на старой коряге, смотрели на отражавшийся в темной воде месяц. Настя тихонько рассказывала про свою прошлую жизнь – про град Усолье на Каме-реке, про то, как хаживали на Ивана Купалу с девками на луга: валялись в траве, прыгали через костер, гадали.

– Ох, грехи наши тяжкие! – посмеивался атаман. – Слышал бы отче Амвросий!

– А что? Чего мы плохого делали?

– Беса тешили, ага! Ох, он бы те объяснил... да только не сможет.

– Почему же не сможет?

– Так я ж ему не скажу, чудо!

– Хо! А почему ты меня чудом назвал?

– Так ты и есть – чудо... Ну-ко, мне в глаза посмотри...

– Так темно же...

– Ничо...

Оп! И снова поцелуй, долгий-долгий, сладкий... И тихий шепот:

– Пора, пожалуй, и спать. Засиделись мы...

Проводив девушку до шатра, Иван проследил, как затушили костры, да, сняв сапоги, залез под теплый полог, а там уж сбросил кафтан, зипунишко, растянулся под мягкой волчьей шкурой. Не спал – не шел сон-то, – просто лежал, думал.

Нет, конечно, иной бы кто – да попросту уволок бы кареглазую чуду в шатер, сотворил что хотел, да и ну ее к ляду. Может, даже и к себе приблизил потом... может, и женился бы. Но допреж того... ах, как сладко было б... Совсем не то, что сейчас... Эх... Однако ж, ежели с другой стороны взглянуть, Настена, по всему, не такая девушка, чтоб насилье спустить. Что-нибудь да сотворила бы... не с насильником, так с собою. Нет! Не надобно все торопить, хоть и хочется, пусть времечко неспешно идет – все равно яблочко-то созреет, упадет к ногам... вот тогда и сладко будет... и по любви, без всякого принуждения.

Ох...

Вздыхнув, молодой атаман улыбнулся и заложил руки под голову. Снова заныл шрам – на погоду, верно, к вечеру-то на тепло пошло, этак поутру и льда не будет. Сильно ноет-то, черт бы его побрал, – так, что и не уснуть. А не уснуть – так и пройтись, караулы проверить. Не проверял ведь, заговорился с Настасьей.

Выбравшись из-под полога, Иван накиннул на плечи епанчу и, поежившись, решительно зашагал к берегу – проверку решил оттуда начать, со стругов. Моросил мелкий дождик, нудный и даже, казалось, теплый, как в самом начале осени. И в самом деле – потеплело. Это и хорошо, неплохо, что дождь. Кабы снег, так гораздо б хуже было.

– Кто здесь? Откликнись? – возопил, судя по голосу, похоже, Чугрей.

– Могилев! – выкрикнул в темноту атаман.

Из темных кустов тут же донесся ответ:

– Ревель!

И в самом деле – Чугрей.

– Случилось что, батюшка-атамане?

– Вижу-вижу – бдишь! – Иван одобрительно усмехнулся. – Ничего не случилось, просто с проверкой хожу. Тебя кто сменил-то?

– Афоня.

– Ох ты, Спаси Господи... ладно.

Пройдя у стругов, Еремеев направился к дальней полянке, на которой специально, сноровку, жгли отвлекающий костер, вокруг которого были натянута пологи, стоял шатер и даже имелись двое караульных в узких, с поднятыми воротами чюгах. Неподвижные караульщики не реагировали на приход атамана никак, да и не могли отреагировать, поскольку были чучелами – как когда-то в Ливонском походе. А ведь тогда помогло, сработало... работает и сейчас. Сидят себе чучелы, ждут стрелы вражьей, а настоящие-то караульщики поодаль, в кусточках, бдят.

– Здрав будь, атаман, – обернулось на шаги Еремеева одно из чучел.

Иван едва не споткнулся:

– Ты кто?

Тут же сам и признал:

– Маюни! Вот так встреча! Ты как здесь?

– К вам явился, – пошевелив прутиком угли, пожал плечами отрок. – Вы же все равно на север пошли. А со мной путь лучше будет, да-а.

– Так ты, значит, решил все же – в проводники?

– Значит.

– Молодец! – атаман присел к костру рядом с юным остяком и озадаченно почесал шрам. – А-а-а... караульщики мои где?

– Где и были, в кустах, – кивнул Маюни. – Караулят. Да ничего с ними не сделалось, да-а.

– А тебя-то они как?..

– Это же мой лес.

– Поня-атно...

...К юному остяку ватажники отнеслись спокойно и даже радостно: хороший, знающий здешние леса проводник лишним не был. Что же касается Карасева Дрозда с Лютенем – недавних мучителей Маюни, – так те вообще не узнали парня или сделали вид, будто не узнали, тем более что остяки, вогуличи и прочая самоедь для многих казаков были на одно лицо: маленькие, скуластые, смуглолицые.

После впадения Иртыша в Обь – Ас-ях, как ее называли остяки и вогулы, – струги молодого атамана выплыли на широкий простор и даже, пользуясь попутным ветром, подняли паруса. Потеплело, даже по ночам не было заморозков, правда, все небо окуталось серыми плотными облаками и темно-синими, частенько изливавшимися дождем тучами, утром же по всей реке стоял густой туман.

– То не беда, да-а, – уверял Маюни. – Ас-ях – река глубокая, мелей нет – плыть можно.

Продвигались и в тумане, осторожно загребая веслами, тут главное было – не набрать скорость, не наткнуться на какой-нибудь коварный топляк.

Впрочем, ближе к обеду тучи обычно разгонял ветер, а иногда в небе показывалось солнышко.

– Хорошо, – шурил глаза отец Амвросий. – Вот ежели б не деревья голые – так словно бы и весна.

Иван молча вздохнул: до весны-то еще далеко, однако, еще надо встать на зимовку, копать землянки, городить частокол от зверья или лихих лесных людишек – мало ли, нападут?

– Не нападут. – Сидевший на носу судна проводник обернулся, в темно-зеленых глазах его вдруг встала тоска. – Не нападут. Некому нападать, да-а. Сир-тя убили всех, а кого не убили, так лучше бы им погибнуть!

– А что такое?

– Сир-тя угнали их, чтобы принести в жертву своим жестоким богам!

– Ой, спаси, Господи! – Испуганно перекрестившись, сидевший за веслом Афоня обернулся к священнику, коего давно уже считал своим покровителем. – Не дай бог угодить в лапы нехристям.

Отец Амвросий, хмыкнув, пригладил бороду:

– Ничо, Афонасий. Доберемся – там поглядим, кто кого. Идолы порушим, пожжем капища. То доброе, угодное Господу дело.

– Так-то оно так, – недоверчиво качнул головой парень. – Да ведь вогулич наш говорит: нехристи-то – волхвы, ага! Как же мы с ними сладим?

– Сладим! – уверенно заявил святой отец. – Кто в вере православной крепок, тому никакие волхвы не страшны! Святой животворящий крест да слово Божие – всяко посильней нехристей будут!

Афоня облизнул губы:

– Ой, отче... И все же сомнение меня берет... Все ж таки нас-то не очень и много.

– А ты не сомневайся, отроче! Лучше чаще молись!

– Да я молюсь, отче.

...Отношения казаков с девушками складывались по-разному. Бывших пленниц сам атаман строго-настрого приказал не забивать – никто и не забижал, действовали уговорами, лаской. Уже наметилось несколько пар, и ходили упорные слухи, что кое-кто – к примеру, рыженькая Авраама и кормщик Кольша Огнев – уже давно яко муж с женою живут – в блюде. Слухи такие вызывали зависть, а отец Амвросий даже несколько раз говорил с кормщиком, вздумлял... дело шло к свадьбе.

Что же касается молодого атамана и Насти, то упрямая девушка по-прежнему отказывала в близости, да Иван и не настаивал – боялся обидеть, спугнуть то самое нарастающее чувство, что с недавних пор связывало их обоих. Наверное, и здесь нужно было бы подумать о свадьбе, но Еремеев пока молчал, подбирая кандидатов на роль посаженного отца и сватов. Тем более дел в походе хватало, да еще нужно было хорошенько подумывать о зимовье. Землянки рыть либо строить избы...

– Не надо рыть ничего, да-а, – повернул голову проводник. – Здесь чуть вниз по реке – заброшенное стойбище, деревня. Курум-пауль называлась когда-то, да-а. Ныне осквернена: сир-тя напали, убили, увели всех, колдовали – с тех пор там никто не живет. А жилища, амбары – остались, частокол разве что починить, да-а. И это...

Маюни замылся, искоса поглядывая на отца Амвросия. Тот сидел далеко, на корме, и беседы сей не слышал.

– Ваш шаман, я вижу, могучий, да-а. Пусть поколдует, и злые чары сир-тя уйдут – снова в стойбище жить можно будет.

– Поколдует, – еле сдержав смех, заверил Иван. – А стойбище – это славно. Говоришь, и дома там есть? Настоящие избы?

– Есть, есть, – улыбнулся остяк. – Никто их не разрушал, все колдунам досталось, сир-тя. А сир-тя тепло любят, им холода ни к чему – вот и ушли, вернулись к своему злому солнцу.

Поправив на голове шапку, атаман почесал шрам и тихо спросил:

– А от стойбища до солнца злого – далеко?

– Недалеко, – задумчиво пояснил Маюни. – Но и не так уж близко. Четыре раза по семь дней пути, да-а.

– Верст четыреста. – Иван покивал, оглядываясь на корму, где сидели девчонки: переглядывались, смеялись, говорили о чем-то своем. Отец Амвросий, нынче бывший за кормщика, вполголоса затянул песню про Илью Муромца. Перестав смеяться, девушки дружно подхватили – вышло хорошо: слаженно, славно.

Даже Маюни – и тому понравилось:

– Хорошо поют, да-а.

– Так ты до самого идола золотого нас проводишь? – улучив момент, справился атаман.

Игравшая на тонких губах остяка улыбка живо сошла на нет:

– Что ты, господине! Там же колдуны. Вам золотой идол нужен – вы и идите. А дорогу я покажу.

– Так ведь дедушка твой, сам же говорил, шаманом был, – подначил Иван с усмешкой. – И бубен теперь у тебя есть.

– Их колдовство сильнее, – со вздохом признался отрок. – Это дедушка был шаман, а я...

– Ладно, – атаман похлопал парнишку по плечу, – там разберемся. Так далеко, говоришь, твое стойбище?

– Да недалече уже, да-а. Через три дня, коль позволит Аутья-Отыр, доплывем.

– Кто-кто позволит?

– Аутья-Отыр. Большое, могучее божество, речное. В устье Ас-ях живет, в образе большой щуки, да-а.

...Аутья-Отыр позволил – до заброшенного стойбища казаки, как Маюни и обещал, добрались за три дня, без всяких недоразумений, если не считать случайно свалившегося в воду Афоню Спаси Господи – неудачно прошел по борту, вот и грохнулся, брызг целую тучу поднял, а сколько крику было! Девчонки бедолагу в свой шатер забрали, растерли барсучьим салом, чтобы не захворал. Не захворал Афоня, Бог миловал – из шатра выбрался весь в смущении, красный... но довольный.

– Нам, что ль, тоже за борт нырнуть? – смеялись казаки. – Потом бы к девам, в шатер...

– Я вам дам, к девам! – Отец Амвросий сурово погрозил охальникам кулаком. – Гребите ужо да молиться не забываете.

Если б не Маюни, проплыли бы мимо: селение остяков с реки не очень-то было заметно, сей таежный народец вообще не любил выделяться, вот и избы себе неприметные выстроил – не избы даже, а полуземлянки, с бревенчатыми, обложенными дерном крышами.

Внутри жилищ неожиданно оказалось просторно и даже уютно, хоть и темновато – свет проникал лишь сквозь распахнутую дверь да в отверстие для выхода дыма. Зато очаги казаки растопили сразу, как только осмотрелись. Как проводник и говорил, селенье оказалось покинутым – в землянках валялся нехитрый скарб да гнили оленье шкуры, а кое-где, ближе к околице, белели разбросанные человечьи кости.

– Зверье обглодало, – перекрестившись, покачал головой священник. – Надо бы похоронить, а то нехорошо как-то.

– Да, нехорошо. – Иван согласно кивнул и понизил голос: – Одначе те, чьи кости, ведь нехристи... как их погребать будем? Просто так, что ли, зарыть?

– А про то, друже, у остяка нашего спросим, – неожиданно заявил отец Амвросий. – Пушай по-своему упокоит, хоть и нехристи, а все ж – люди. Негоже так-то...

Обернувшись, Еремеев махнул рукой уже начинавшим ставить частокол казакам:

– Эй, парни. Как закончите – соберите кости.

Вдруг услышав девичий смех, атаман обернулся, увидев возвращавшихся из лесу девушек: их водил Маюни, показывал какие-то пахучие травы – хоть как-то заменить соль, запасы которой таяли прямо на глазах.

Настя подошла ближе, сверкнула глазищами карими – видать, услышала приказ. Волоса ее, как всегда распущенные – не отросли для кос еще... а скорее, девчонке самой не хотелось косы, – связывала лента из оленьей кожи, на плечи, поверх рубахи, была накинута старая малица с изящным узорчатым рисунком:

– Вот... одежонку в избе нашла. Как раз!

Стоял легкий морозец, девчонки пришли из лесу веселые, раздумянулись, трав нужных мешками набрали и собрались завтра за морошкой идти.

– Ой, ягод там, на болоте, много – страсть! – похвалившись, Настя понизила голос: – Ты, атамане, мужиков-то от работы не отвлекай. А костяки мы соберем, чего ж.

Еремеев повел плечом:

– Ну, собирайте, раз такое дело. А ты, Маюни, скажешь, как соплеменников твоих схранить.

Парнишка сурово сдвинул брови:

– В лес надо нести, да-а.

– Так отнесем!

– А потом... в бубен бить буду. Один. Не надо, чтоб видели...

– Не надо – так не надо, – махнул рукой атаман. – Как скажешь.

Все принялись за дело: девушки собирали разбросанные по стойбищу кости в большие плетеные корзины, найденные тут же, в деревне, мужчины вплотную занялись частоколом и починкой землянок, рубили да таскали бревна, благо лес был – вот он, здесь, перекрывали в два наката крыши, обкладывали дерном – чтоб зимой, даже в самую лютую стужу, в землянках держалось тепло.

Молодой атаман деятельно руководил всеми, а то и сам подставлял плечо:

– А ну, братцы, ухнем! И-и-и... раз!

Девчонки унесли собранные кости в лес, к старому ельнику, куда указал проводник. Вернувшись, разложили костры да принялись готовить ужин – на всю артель. К тому времени специально выделенные Еремеевым казаки уже натаскали из реки рыбы и даже запромыслили кое-какую дичь. Вернулись довольные:

– А ничо! Зверья да рыбы здесь много, перезимуем, не пропадем. Эх, еще бы хлебушка!
Иван скривился: с хлебушком дела обстояли ненамного лучше, чем с солью, – прихваченных с собою в путь запасов муки хватало еще примерно на месяц, и то – затянув пояса. Ну, хоть дичи, да рыбы, да ягод – было. Хватало с избытком!

– Атамане... – потянул кто-то Ивана за руку.

Хм... кто-то? Настена... кто же еще? Только вот обозвала как-то не так, обычно кликала без обиняков Иваном, а тут, вишь ты, – атаман. Хорошо, не господине... Что-то случилось, верно, да и лицо у девчонки какое-то не такое... испуганное... или напряженное, что ли.

– Случилось что, дева?

– Отойдем вон, за сосенки. Покажу кой-чего.

Молодой человек махнул рукою:

– Пошли, только быстро. С обедом-то что?

– Варится. Идем.

Они отошли в сосняк, начинавшийся сразу за околицей, а дальше разбавляемый осиною, березою, лиственницей да хмурыми темными елями. В небе ярко сверкало солнышко, правда, уже не жарило, но кругом вкусно пахло смолою. Невдалеке гулко куковала кукушка, а где-то над самой головой деловито молотил дятел.

– Ну, – в нетерпении обернулся идущий впереди Иван. – Чего у тебя?

– Вот... – Покусав губы, девушка вытащила из взятой с собою корзинки... белый человеческий череп и берцовую кость!

– Господи, – перекрестился атаман. – Ты чего мне-то их притащила? Неси вон Маюни, за ельник.

Настя сверкнула глазами, набычилась:

– Я отнесу. Но сперва взгляни...

– Да что там смотреть-то?!

– Посмотри, говорю!

Девушка сказала столь властно, будто была не дочкой посадского человека, а какой-нибудь столбовою боярышней! Попробуй послушайся – исполняй!

– Видишь, Иване, как эти кости разбиты и обглоданы?

– Ну, вижу.

Молодой человек повертел в руках череп, скалившийся нехорошей улыбкою, побарабанил пальцами по пробитому виску:

– Пробили, да. Враги, эти самые колдуны, верно. Видать, палицей. А потом уж зверье постаралось – мертвяки-то в лесу долго не лежат, всяко приберет кто-нибудь: лиса, медведь, росомаха, да мало ли...

Настасья хмыкнула:

– Ты внимательней посмотри, ага! Вот, хоть кость взять... видишь, разбита...

– Ну, разбита...

– Да специально ее разбили, Господи! Умело! – не выдержав, повысила голос дева. – И череп – умело, чтоб мозг достать, высосать! И не звери то сотворили – люди!

– Постой, постой! – Иван поскреб шрам. – Так ты хочешь сказать – здесь людоеды водятся?

– Именно! – всплеснула руками Настя. – Битый час тебе это твержу, а ты все ну да ну... Не мычишь, не телишься.

– Ну, извиняй, – сунув кости в корзину, атаман развел руками. – Молодец, что заметила!

– А я вообще приметлива, – усмехнулась девчонка. – Так что делать-то теперь будем? Сторожу-то надобно посильней выставлять.

– Выставим. – Иван успокаивающе кивнул и взял Настасью за руку. – А остяк-то наш про людоедов ничего не сказал...

– Так надо спросить! Вот прямо сейчас пойдем и спросим...

– Эй, эй, – поспешно придержал он девушку. – Постой. Пусть сначала дела свои справит... Вон, слышишь – бубен?

– Слышу. Так ведь кости-то еще – не все. Скажем, еще нашли. Ну, пошли же!

Небольшая полянка среди суровых елей незаметно переходила в болото, еще не замерзшее, топкое, с высокой осокой и крупными оранжевыми ягодами сладкой подмерзшей морошки. Близ болота, перед разложенными в относительном порядке костяками, на корточках сидел Маюни и, склонив голову набок, мерно колотил в бубен сухой заячьей лапкой, найденной в оскверненной деревне Курум-пауль. Колотил и негромко, нараспев приговаривал:

– Ум-ма-а, ум-м-а-а, умм! Лети, лети, небесная утка, и ты, гагара, лети... Прими в свое лоно умерших, о Калтащ-эква, мать сыра земля, и ты, солнечная Хотал-эква, в последний раз озари их животворящими своими лучами, а ты, великий Нум-Торум, и ты, Корс-Торум, не гневайтесь на этих несчастных. Пусть примут их поля вечной охоты, пусть... Ум-ма-а, ум-ма-а, умм! Лети, небесная утка, и ты, гагара, лети... Умм!

Заслышав шаги, Маюни резко обернулся:

– Чужие люди! Вы зачем здесь?!

– Мы... нашли... Вот еще кости.

– Это хорошо. Сюда не ходите, в ельнике ждите, да-а. Я сам к вам подойду. Сейчас.

Положив бубен наземь, подросток поклонился костям и быстро зашагал к ельнику. Лицо его дышало необычайной серьезностью и даже казалось суровым.

– Смешной какой, – шепотом заметила Настя. – А вообще он добрый отрок... хоть и язычник.

– Принесли кости? – Подойдя, юный остяк поклонился. – Давайте. И уходите, да-а.

– Подожди, Маюни. – Атаман придержал парня за локоть. – Мы хотели у тебя кое-что спросить. Погляди-ка на кости внимательней. Что видишь?

– Да ничего не вижу. – Юноша явно уклонялся от прямого ответа. – Кости как кости. Спасибо, что принесли.

– Их кто-то обглодал, отроче! – повысил голос Иван. – И этот кто-то – явно не дикий зверь. Только не говори, что не знаешь.

– Не скажу. – Маюни помотал головой, словно бы прогоняя вдруг налетевшее на него какое-то злое наваждение, морок. – Я слышал... значит, они опять пришли. Вернее, их наслали сир-тя, да-а!

– Да о ком ты говоришь-то?

Еремееву неожиданно захотелось взять этого внешне невозмутимого парня за шиворот да тряхнуть так, чтоб слова горохом посыпались!

– О ком? О людоедах?

– Наши звали их «менквы», – негромко пробормотал остяк. – Они нападали летом, обычно – ночью. Коренастые, очень-очень сильные и злобные, как пупых!

– Кто-кто?

– Пупых – злые духи. – Пояснив, Маюни осторожно погладил лежащий в корзине череп и тихо продолжил: – Только с пупых можно договориться, ублажить, а вот с менквами – нет. Они тупые!

– Почему тупые?

– Не знаю. Так говорят. Я-то сам их видал один раз, еще в раннем детстве. Плохо помню, да-а. Они охотятся на товлынггов, а те живут на севере, далеко. Сюда только летом забредают. Не понимаете? – Остяк вовремя спохватился, хлопнул ресницами. – Как бы вам сказать... Товлынг-лув – это огромный конь великого божества Мир-суснэ-хума, сына Нум-Торума, вестника между людьми и богами. Так вот товлынг – такой же огромный, только не конь. С бивнями, с большим длинным носом, весь покрытый шерстью. О, в нем очень много мяса, да-а.

И могучие бивни! Но это большой и очень сильный зверь, менквы его добывают редко, даже если наваливаются всей кучей. Так говорили старики, да-а. Еще они рассказывали про ужасных хищных драконов – ну, про то я вам уже говорил.

– Ага, старики, – насмешливо прищурилась Настя. – А сам ты не видел?

– Нет.

Маюни вновь ушел творить погребальный обряд, молить богов за своих погибших сородичей. Из-за ельника донесся приглушенный рокот бубна, послышались слова, точнее сказать – завывания: «Умм, умм, умм-ма-а-а...»

– Думаю, про великанов – все сказки, – ухмыльнулся Иван. – В стародавние времена тут, в Обдорской земле, новгородцы были, ушкуйники. Так они про людоедов ничего не рассказывали, иначе б и до нас дошли байки.

– Но людоеды-то все-таки есть! – Возразив, Настя пригладила волосы. – Людоеды – есть, это по костям видно, а вот про больших зверей... не знаю. Может, и врет Маюни, сам-то он никого подобного не видал, ни драконов, ни этих, товлынггов.

...На следующей неделе в тайге выпал снег, и хотя особые холода еще не пришли, но все хорошо понимали: зимушка-зима дышит в затылок. Казаки вытащили на берег струги, поставили частокол, заготовили дров, поднакидали на крыши дерна и лапника – к зимовке подготовились как надо! Девушкам выделили отдельное жилище, рядом с «приказной избой», – так ватажники именовали атаманскую землянку, в которой, кроме самого Ивана, еще жили отец Амвросий, Афоня Спаси Господи, бугайнушко Михейко и мекленбургский ландскнехт Ганс Штраубе, уговоривший всех идти на болото за морошкой да ставить брагу. Поставили, а чего ж? Дрожжи были.

Ушлый немец уже давно положил глаза на девок, особенно пришлась ему по нраву светлоокая Онисья – высокая, статная, с большой грудью и волосами белыми-белыми, словно выгоревший на солнце лен. При виде ее герр Штраубе лихо подкручивал светло-рыжие усы и, снявши берет, отвешивал самый галантный поклон:

– Ах, фрейлейн Онисья, как вы маните своей несравненной красотой мое слабое сердце!

Скромница и молчунья Онисья на подобные притязания не отвечала, лишь брови хмурила, еще больше распаяя ландснехта.

– Ох, немец, немец! – приговаривал отец Амвросий. – Надо, Иване, ему порученье какое-нибудь дать. Эх, зря мы девок взяли!

В этом смысле атаман был со священником абсолютно согласен – на всю зимовку нужно было придумать какие-то дела: грандиозные охоты, ремонт и постройка стругов, годилось все! Даже бражка. Пусть уж лучше пьют, чем блудят да из ревности бьют друг другу морды. Хотя одно другому не мешает, конечно.

Еремеев, из жалости взявший с собой освобожденных пленниц, теперь все чаще корил себя за сей столь необдуманный шаг: сотня мужиков на десять девок! Да еще зимой, когда делать-то, по большому счету, нечего. Ясно было, что добром это не кончится. Чем-нибудь бы только отвлечь! Чем-нибудь... Только не так, как предлагал отец Амвросий, – постом да молитвою. А с другой стороны – почему б и нет-то? Скоро уж и Рождественский пост, а потом – и Великий, Пасхальный, ну а там и в путь, к золотому идолу! Перезимуем, ничто... А девок в тайге бросать – тоже не очень-то доброе дело, для чего б и освобождали тогда?

...Покончив с частоколом, укрепили ворота, установили пушки – почти настоящий острог получился, только что маленький, ну да ничего, перезимовать можно. Настала очередь для большой охоты, казаки давно уж просились запрямыслить мяса: оленей, кабана, рябчиков. Даже целую делегацию к атаману послали с Андреевым Силантием во главе.

– Охота так охота, – выслушав, покладисто согласился Иван. – Вперед дозоры вышлите, разведайте, где тут зверье. Да! Остяка нашего, Маюни, дозорные с собой пусть возьмут.

Разведка вернулась быстро – видали и оленей, и кабаргу, и кабанов бесчисленно, и это не говоря уже о более мелкой дичи, всяких там глухарях, рябчиках, зайцах.

– Ну что, братцы? – выйдя к народу, улыбнулся молодой атаман. – Охоту удачно проведем – всю зиму с мясом будем.

Все уже собрались и, возбужденно переговариваясь, ждали. Кто-то из казаков с азартом вспоминал прежние охоты, в которых им довелось участвовать, а кое-кто с беспокойством поглядывал на небо: вроде разъяснилось, то и к лучшему, вот и славно. Зверь, он ведь тоже пурги да дождя не любит: схоронится в норах, в чащобах укроется – поди поищи.

С собой прихватили луки со стрелами, большинство же – рогатины, взяли и пару пищалей – на особо крупную дичь, порох-то побережь следовало, так же, как пули. Еще за идолом золотым идти!

Оставив в селении девушек и караульных, помолясь, наконец вышли. Впереди шагали хорошо знавший здешние места Маюни, за ним – Еремеев и первый отряд, человек в двадцать с лишним. Еще был отрядец правой руки, левой руки и особый – загонный, им командовал немолодой казак по имени Василий Яросев, человек, по мнению атамана, вполне основательный, надежный. Не особо приметный, молчаливый – без нужды слова клещами не вытянешь, – Яросев пользовался у казаков большим уважением, поскольку был человеком в ратном деле опытным и так, по жизни, много чего знал.

– Там, спаси, Господи, олени! – выскочив из кустов, доложил дозорный – Афоня. – Их бы загонщикам во-он к тому овражку выгнать, я покажу.

Иван повернул голову:

– Василий! Всё слышал?

– Слышал, атамане. Исполним.

Кивнув, Яросев пригладил бороду и, деловито распоряжаясь, повел выделенных ему казаков за послушником, через заросли осин и рябины, к невидимому отсюда оврагу. Яркие красные ягоды гроздьями свисали с веток.

– К морозной зиме, – вполголоса заметил отец Амвросий. – Ничего, перезимуем теперь. Еще б Господь помог с охотой.

– Поможет.

Обернувшись, атаман махнул рукой, направляя отряды:

– Вы – туда, слева, вы – справа рожицу обойдите, там и затаитесь, в урочище, ну а мы за овражком засядем. Ветер, слава богу, оттуда – не должен бы почуять зверь.

Иван не предупреждал охотников, чтоб вели себя осторожно, не разговаривали, не чихали, не кашляли – это и так было понятно всем, да и казаки – люди опытные, не дети малые, что их зря учить?

Проводив взглядом скрывшиеся в лесу отрядцы, Еремеев чуть выждал и направился через осинник, туда, куда не так давно ушли загонщики – к оврагу, оказавшемуся довольно крутым и глубоким, правда, едва заметным из-за разросшегося орешника и густо взявшейся по краям малины.

– Вот тут, в малине, и сядем, – указал атаман. – В оба смотреть, слушать!

На чистом белесом небе появились небольшие облака, тучки, пошел легкий снежок, тихий и редкий, вовсе не скрывавший видимость. Тусклое сибирское солнце то пряталось за облаками, то вновь показывалось, зажигая заиндевшие с утра деревья сверкающим золотым светом. Оттого и лежавший под ногами снежок – еще едва взявшийся, без сугробов – тоже казался золотистым, а чуть впереди, у елей – уже отливал густо-зеленым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.